

На правах рукописи

Садикова Валентина Алексеевна

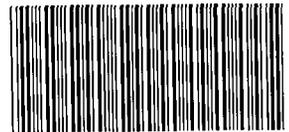
ТОПИКА КАК СИСТЕМА СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫХ МОДЕЛЕЙ
(типология инвариантов высказывания)

10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

29 НОЯ 2012

Тверь 2012

005055962

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Научный консультант

Варзони́н Ю́рий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»

Миловидов Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Мяжкова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социальных и естественнонаучных дисциплин НОУ ВПО «Тверской институт экологии и права».

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет»

Защита состоится «10» сентября 2012 г. в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета (ул. Володарского, 42).

Отзывы можно отправлять по адресу: Россия, 170100 г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, учёному секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «8» ноября 2012 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Многообразие всех определений топов в риторике и лингвистике можно свести к двум, принципиально различным: 1) топы как «общие места»; 2) топы как «смысловые модели». Первая точка зрения считается общепринятой. Мы придерживаемся второй точки зрения и постараемся доказать, что топика имеет будущее как *система структурно-смысловых моделей высказывания*, где структурность относится исключительно к смыслу.

Если риторическому канону как совокупности этапов обучения риторике, содержащему правила создания публичного выступления, посвящено довольно много исследований, то вторая его составляющая – топика – в лучшем случае только упоминается в современных работах как исторический факт. Если же специалисты и обращаются к топике, то только в традиционном для риторики смысле, как к «общим местам», пытаясь именно в этом качестве внедрить их в современную риторику.

Рабочая гипотеза исследования заключается в следующем: любая логически выстроенная, риторически грамотная речь (если она содержательна, логична, выразительна и убедительна) целиком состоит из топов. Первые три качества (содержательность, логичность и выразительность) соответствуют трём основным этапам риторического канона – инвенции, диспозиции, элокуции. Четвёртое качество является следствием первых трёх, *правильно организованных*. Для того чтобы их «правильно организовать», должна быть выделена и описана минимальная речевая единица (топ), обладающая всеми свойствами риторического (коммуникативно-смыслового) целого.

Топ соотносится с *единицей высказывания как инвариантом*, а не с предложением (как синтаксической схемой), и представляет собой более универсальную категорию, чем *топос*, функционирующий только в риторике и часто отождествляемый с «общими местами». Мы полагаем, что *топика* заслуживает того, чтобы быть внедрённой в современную лингвистику (коммуникативистику), и в качестве структурно-смысловой составляющей этой системы будем использовать термин *топ*.

Топика – связующее звено между мыслью и речью. Она дисциплинирует мысль, позволяет сделать процесс создания речи и предъявления её адресату сознательным. Топика обеспечивает не только линейное продвижение мысли, но и объёмность высказывания, его глубину, потому что отражает связи между объектами. Специфика каждого топа создаёт возможность продвижения мысли в дискурсе, потому что обеспечивает смысловое и структурное разнообразие речевых актов и сохраняет логику целого высказывания. Классическую же логику надо *приспосабливать* к риторическим (коммуникативным) задачам. Таким образом, топика можно считать неформальной логикой говорящих. Об этом говорит Х. Перельман в своей «Новой риторике» [Perelman 1958]. Но топика актуальна не только для риторики. Почти три тысячи лет функционирования в сферах,

определяющих человеческую сущность – в мышлении, познании, обучении, общении, заставляют думать, что она заслуживает пристального внимания и нового осмысления на современном этапе. Топика может дать новый стимул дальнейшему развитию не только риторики, но и лингвистики, расширив её границы. Она предлагает свой вариант решения проблемы языковых универсалий, находя его не в лексике, грамматике или синтаксисе, а там, где язык стыкуется с мышлением и бытием. На этой синтетической основе топика может рассматриваться и как система «вершинных» языковых категорий, формирующих ментальное пространство человеческого сознания и обеспечивающих взаимопонимание в процессе общения. Универсальность топика требует обращения к психологии, логике, социологии, прагматике, семиотике, философии.

Изложенные выше положения и интегративный характер топика определяют её актуальность как *объекта* исследования. Функционирование топика в практике общения людей является *предметом* исследования.

Основным *материалом* для исследования послужили выборки из телевизионных передач и радиопередач в прямом эфире (общим объёмом около 500 часов эфирного времени) и бытовые высказывания в процессе естественной речевой коммуникации (из личной картотеки диссертанта). Фрагментарно использовались художественные тексты, но они носят вспомогательный характер.

Цели данного исследования можно подразделить на *непосредственную* и *перспективную*. Непосредственной целью работы является исследование топика как системы структурно-смысловых моделей и «вершинных» языковых категорий для выявления возможностей её применения в современной теории языка при изучении речевой деятельности. Неизбежным следствием поставленной цели является формирование *топологического метода* в лингвистике. Это цель *перспективная* и не может быть полностью осуществлена в данном исследовании.

Для достижения поставленных целей решались следующие *задачи*.

В теоретическом плане:

- 1) осмысление истории рассмотрения проблемы функционирования топика в речевой деятельности людей от античности до наших дней;
- 2) переосмысление «общих мест» в коммуникативном аспекте, их функционального значения в качестве структурно-смысловых моделей высказывания (топов) сегодня;
- 3) выявление диалектической природы топика, формирующей дискретно-непрерывное ментально-бытийное поле деятельности мышления, языка и речи в процессе общения;
- 4) обоснование семиотического характера топика как в вербальной, так и в невербальной коммуникативных сферах;
- 5) обоснование бытийности топика в связи с её корпоральностью в онтогенезе;

6) разграничение концептуального и категориального аспектов в топике, обоснование её «вершинности» в качестве языковых категорий;

7) выявление связей топика с гуманитарными науками; обнаружение специфики её функционирования в научной сфере в отличие от естественного бытового языка;

8) качественная характеристика топов, выявление специфики каждого топа и их системного взаимодействия.

В практическом плане:

1) разработка параметров эффективности публичного выступления, достигаемой в процессе применения топов как структурно-смысловых моделей;

2) разработка топиковой модели на основе классической хрии для создания риторического эскиза речи-рассуждения;

3) выявление эвристических возможностей топика при обучении речевому творчеству;

4) выявление методологических возможностей топика для создания обоснованной методики обучения эффективной речевой деятельности.

Методы исследования. Ведущими в данном исследовании являются общенаучные методы: *сравнительно-исторический* и *диалектический*. Сравнительно-исторический метод применялся там, где прослеживалась история формирования и трансформации категорий, которые мы сегодня рассматриваем как структурно-смысловые модели. Диалектический метод органичен для данной работы, так как топика формировалась как *диалектика* древних и изначально была связана с *диалогом*, с общением и убеждением. Использовались также *современные методы анализа текста и дискурса*: целостный лингвистический анализ текста; некоторые приёмы лингвистики текста; качественный контент-анализ, основой которого является структурирование общения [Mauring 1991]; дискурс-анализ (с опорой на исследования М. Фуко и М. Бахтина); приёмы функциональной прагматики; некоторые методы объективной герменевтики.

Использовался (и одновременно формировался) *топологический* метод. Основанный на топике, этот метод позволяет в какой-то степени преодолеть «закрытость списка разрешённых к постановке проблем» [Фрумкина 1995: 82] в лингвистике, так как топологический метод приводит к выводу, что синтаксический уровень в языке не является «вершинным», а *предложение* – очень условная единица, актуальная только для письменной речи и не *совпадающая с высказыванием*. Применение топологического метода, на наш взгляд, способствует формированию конструктивного направления в лингвистике, о котором ещё в начале 90-х гг. прошлого века писала Е.С. Кубрякова: «Речь идет о слиянии и органичном соединении когнитивного подхода, с одной стороны, коммуникативно-функционального, с другой, и, наконец, герменевтического, с третьей» [Кубрякова 1993: 19]. «Развести» в исследовании *предложение* и *высказывание* полагаем очень важным, потому что только на их смешении могла возникнуть весьма популярная метафора

отождествления человеческого мышления с процессами, происходящими в компьютере. О «печальных следствиях» этой «мифологемь» убедительно пишет Р.М. Фрумкина [Фрумкина 1995: 87, 110–113], а преодоление *фреймовой теории* [Минский 1979], на основе которой формировалась эта «мифологема», все чаще заботит исследователей [Лакофф 2004: 16; Белошапкова 2008: 37].

Теоретической базой исследования послужили трактаты Аристотеля «Тописка» и «Категории» и диалоги Платона, их идея синтетического единства Бытия, Языка и Мышления, а также лингвистическая работа А.Ф. Лосева «Введение в общую теорию языковых моделей».

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Тописка является диалектикой древних, но продолжает оставаться актуальной и сегодня, составляя системную основу нашего мышления, речепроизводства и взаимопонимания в процессе общения.

2. Тописка как диалектика представляет собой ряд *сложившихся в речевой практике* обобщённых конструктов (структурно-смысловых моделей) и может рассматриваться, с одной стороны, как система структурно-смысловых моделей сверхсинтаксического уровня, которые отвечают нормам логического построения речи в процессе естественного речевого общения; с другой стороны, – как система *инвариантов* высказывания, «вершинных» языковых категорий.

3. Минимальной единицей этой системы является *топ*, целостность и определённая контекстная завершённость которого позволяют предположить, что наша речь, если она содержательна, логична, выразительна и убедительна, целиком состоит из реализованных топов. В связи с этим принципиально размежёваны *предложение и высказывание*. Топ отождествляется с *инвариантом высказывания*, под которым понимается потенциально полный объективно-абстрактный языковой знак-модель.

4. Топы исчислимы и имеют следующий списочный состав: ИМЯ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА), ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ, испытание воздействия), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ), ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ. Необходимость и достаточность списка обусловлены степенью актуальности для общающихся в процессе естественной коммуникации.

5. Тописка опирается на «доязыковые» способности, заложенные в самой человеческой природе, на основе которых формируется доязыковой опыт, а затем – осваивается язык. Эта система развивается и совершенствуется по мере взросления человека, позволяя структурировать приобретаемый опыт, адекватно соотнося его с действительностью.

6. Тописка функционирует в *любом* дискурсе – от бытового до научного, структурирует его смысл. Сформированная до языка, она действует и тогда, когда наше общение носит невербальный характер. Дискурс, в свою очередь,

актуализирует функционирование того или иного топа в каждый текущий момент общения. Являясь единицами синтетическими, топы учитывают (включают в процесс функционирования) и лингвистические, и экстралингвистические факторы. В научном дискурсе топика получает сверхзадачу: она становится метаязыком науки.

7. Топика как система «вершинных» языковых категорий есть *четвертый аспект языка*, диалектически обуславливающий три другие аспекта: семантику, предметом которой является смысловое содержание, синтактику, отражающую отношения между языковыми знаками разных уровней, и прагматику, ведающую отношениями между знаками и их пользователями.

Научная новизна работы заключается в том, что топика рассматривается как система инвариантов высказывания, а не набор «общих мест». Исследование проводится как в диахроническом, так и в синхроническом плане. *В диахроническом плане:* обосновывается изначальность этого понятия как сущностного для мыслительной и речевой деятельности человека; прослеживается процесс формирования топика как системы. Топика рассматривается исторически адекватно – как диалектика общения. Доказывается, что риторика только использовала это понятие, исторически более древнее, но изначально функционирующее бессознательно в мышлении и речи человека. Топика активно действовала на протяжении веков как логика бытового общения, хотя на её основе неоднократно создавались теоретические системы в философии, логике, лингвистике; она использовалась и теми учёными, которые отвергают топика как набор «общих мест». *В синхроническом аспекте:* доказывается актуальность топика, её перспективность в указанном выше смысле для современной парадигмы целостного гуманитарного знания. Выявляется закономерность топика как «вершинного» языкового яруса несинтаксической природы, абстрактной языковой системы, структурирующей мышление и речь человека в соответствии с реальной действительностью, освоенной его жизненным и интеллектуальным опытом в необходимом и достаточном для полноценного общения с другими людьми и окружающим миром объёме.

Теоретическая значимость работы заключается в создании глобальной лингвистической парадигмы, способной активно участвовать в актуальном сегодня формировании целостного гуманитарного знания, потому что топика образует наиболее общее ментальное пространство, обеспечивая структурированное единство мира в сознании людей. Топика может использоваться в современных лингвистических парадигмах, работая на их объединение и интеграцию, так как систематизирует представление об *инвариантах* высказывания. Как система «вершинных» языковых категорий топика позволяет выработать универсальный подход к проблемам категоризации и концептуализации в когнитивной лингвистике.

Практическая ценность исследования состоит в том, что, будучи органично присуща человеческому сознанию, обеспечивая адекватную связь

Бытия, Языка и Мышления, топика – в качестве системы структурно-смысловых моделей высказывания – актуальна для речевой практики и может продуктивно использоваться в разработке конструктивной методики при обучении речевому общению, в разработке спецкурсов при подготовке специалистов по риторике, культурологии, психологии, языкознанию, логике и другим наукам, в центре которых изучение духовной сферы Человека. На основе топика может быть разработана продуктивная методика обучения публичной речи, как подготовленной, так и импровизированной.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы диссертации освещались автором на международных, общероссийских, межвузовских конференциях и симпозиумах, в число которых входят: XI научно-методическая конференция Российской ассоциации преподавателей, исследователей и учителей риторики «Риторика и культура речи в современном информационном обществе» (Ярославль, 29–31 января 2007 г.); V международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обучения культуре русской речи, методике преподавания русского языка и дисциплинам специализации» (Нижний Новгород, 24–25 апреля 2007 г.); международная научная конференция «Дни славянской письменности и культуры» (Тверь, 22–24 мая 2007 г.); международная научная конференция «Системное и асистемное в языке и речи» (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.); международная научная конференция «Прагмалингвистика и практика речевого общения» (Ростов-на-Дону, 24 ноября 2007 г.); межвузовская научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 4–5 апреля 2008 г.); XVI международный Симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы» (Москва, 15–17 июня 2009 г.); международный Конгресс по когнитивной лингвистике (Тамбов, 29 сентября –1 октября 2010 г.); Круглый стол «Типы категорий в языке» (Москва, Институт языкознания РАН, 27 октября 2010 г.); международная школа-семинар по психолингвистике и лингвокогнитологии и VII Березинские чтения (Москва, ИНИОН РАН, АСОУ, 4–6 июня 2011 г.); VI международная научная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, 22–25 сентября 2011 г.); 8-а международна научна практична конференция «Найновите научни постижения» (София, 17–25 март 2012 година, на филологични науки); международная научная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-3» (Москва, 20–21 апреля 2012); научно-практическая конференция «Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы» (Тверь, 19 октября 2012).

Публикации. Основные положения диссертации нашли отражение в 51 публикации, в число которых входят 2 монографии и 11 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация включает введение, четыре главы, заключение, библиографический список и приложение. Общий объём работы – 412 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* раскрывается актуальность исследования, формулируются цели и задачи работы, определяются общие методологические установки, объект и предмет анализа, научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость; излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Предтечи. Топика как диалектика» посвящена анализу идей, предшествующих выявлению топики. Аристотель отождествляет свою топику с диалектикой. Современные философы подразделяют эту древнюю диалектику на стихийную, не осознаваемую древними и так не называемую, и собственно античную диалектику, под которой понималось искусство вести беседу, спор с целью обнаружить истину. Из первой разновидности диалектики постепенно сформировалась современная диалектика, ядром которой является учение о единстве и борьбе противоположностей. Вторая разновидность постепенно выродилась в «общие места» и осела в современной риторике. В то же время эти две разновидности диалектики «не были абсолютно разобщены», «ибо искусство ведения спора, обнаружения и доказательства истины всё более и более выступало как умение постигать предмет в присущих ему противоположных определениях, сводить эти определения к единству, усматривать единство противоположностей, т.е. всё более становилось диалектическим способом познания природы, общества и мышления» [Соколов 1972: 30].

Основатель первой философской школы VII–VI вв. до н.э. Фалес рассматривает природные и общественные явления в их изменении и движении. Принимаемая им за первооснову всего сущего вода как некая *постоянно изменяющаяся* сущность является прообразом развитого его учеником Анаксимандром учения о единстве *противоположных* свойств, *качеств* [Дынный 1972: 64–69]. Идеи Фалеса и Анаксимандра получили ещё более глубокое развитие у Гераклита. Целый ряд фрагментов Гераклита посвящён отношениям людей, их восприятию мира, познанию: «Большинство людей не понимают того, с чем встречаются, да и научившись, они не понимают, им же самим кажется, что понимают»; «Если он не ожидает неожиданного, то не найдёт сокровенного, трудно находимого» [Op. cit: 43]. Для Гераклита важен не только сам мир (объективный логос), но и воспринимающий его человек (субъективный логос). Демокрит переносит исследование в сферу человеческого мышления, чувств и речи. Таким образом, Демокрита можно считать не только продолжателем Гераклита, но и предтечей диалогов Платона.

Впервые в истории человечества сила слова была сознательно использована софистами. А.Ф. Лосев пишет: «Мы не ошибёмся, если скажем, что только софисты впервые заговорили в Греции о силе слова и построили теорию этой силы» и «наибольшей силы учение о слове достигло у софистов в риторике» [Лосев 2000: 31–32]. Он же подчёркивает и другие заслуги софистов в области языка и речи: семантикой слова, синонимикой, например,

занимался Прodik; Протагору, по свидетельству А.Ф. Лосева, принадлежат первые исследования диалогической формы изложения и осознание того, что «диалогическая художественная форма вытекает из противоречий, лежащих в глубине самих вещей» [Лосев 2000: 34]. В этом вполне можно усмотреть зачатки интереса к тем проблемам, которыми сегодня занимается прагмалингвистика. Задолго до признания и развития этого направления в лингвистике, еще в конце 20-х годов прошлого века, Б.С. Чернышев пишет: «Прагматизм – руководящий принцип Протагора» [Чернышев 2007: 166]. Таким образом, у топики изначально два источника: диалектика древних, сконцентрированная в принципе единства и борьбы противоположностей, предчувствуемом Фалесом, открытом Гераклитом и развиваемом на новом уровне Демокритом как диалектика диалога – с одной стороны, и софистика – с другой. Термин и первые классификации топов принадлежат софистам, живая сущность – Гераклиту и Демокриту.

Дальнейшее «структурирование бытия» (с тем, чтобы осмыслить и освоить его посредством языка) принадлежит Сократу и Платону. Если «Гераклит находился в начале сознательной работы над словом и понятием» [Кессиди 2004: 78], то для Сократа и Платона эта работа становится, безусловно, сознательной и, безусловно, важнейшей: для Сократа – в основном практической; для Платона – теоретико-практической. Аристотель не только воспринял диалектику Платона, но ещё более приблизил её к бытию и речевой практике. А.Ф. Лосев полагает, что различий между взглядами этих двух философов меньше, чем принято думать; что от Платона Аристотеля отличает другой – дистинктивно-дескриптивный – метод исследования, что «... в отличие от Платона, Аристотель занят не столько синтезом категорий, сколько их анализом, не столько их конструированием, сколько их описанием, и не столько их художественной подачей, сколько методом всякого рода очень тонких различений, дифференциаций и логических противоположений» [Лосев 2000: 36]. «Топика» представляет собой четвертую, заключительную, часть логики Аристотеля и входит в его «Органон» наряду с трактатами «Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика», «Вторая аналитика». Если в «Категориях» Аристотель заботится о том, чтобы установить связь между *вещами* и *речью*, то в «Топике» он предлагает еще одну систему категорий, которую так не называет. В пятой главе первой книги «Топики» Аристотель даёт характеристики четырём классам понятий, четырём «общим местам», четырём «точкам зрения», четырём аспектам рассмотрения «вещи». Аристотель называет их *предикабилиями* и полагает принципиально отличными от *категорий* «числом десять» [Аристотель 1978: 53–90]. Аристотель считает своей целью в «Топике» «найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение» [Op. cit.: 349]. Другими словами, на первом месте в этом сочинении

Аристотеля стоит мыслительная деятельность, реализованная в речи, мышление относительно бытия – *в общении*.

Своему термину «топ» Аристотель не даёт определения, но по тому, как он его использует, понятно, что *топы* Аристотеля – это разновидности того самого «способа»: «Один топ состоит в рассмотрении того, не выдали ли за приводящее то, что присуще каким-то другим образом» [Op. cit.: 374]; «Другой топ состоит в рассмотрении [вещей], о которых утверждают, что нечто присуще им всем или ни одному не присуще» [Op. cit.: 375]; «Следующий топ состоит в том, чтобы дать определение приводящего и того, для чего оно есть приводящее» [Ibid]. Другими словами, под топами Аристотель понимает определённые мыслительные операции посредством *категорий* и *предикабиллий* относительно «вещей», аспектов их бытия. Эта совокупность способов рассмотрения объектов действительности с разных сторон и с разных точек зрения и представляла собой *топику* Аристотеля, или его *диалектику* [Op. cit.: 349–352], и была древней теорией диалога.

Если *категории* Аристотеля «являются одновременно категориями языка и мысли» [Степанов 1998: 552], то *топика* Аристотеля – описание способов *использования* этих категорий в мыслительно-речевой деятельности, касающейся не истинностного, а правдоподобного знания, т.е. бытового мнения, которое может иметь любой человек и по любому вопросу. В этом смысле топика Аристотеля – не дополнение к его формальной логике, но ведущее руководство к мыслительно-речевой деятельности людей.

Нельзя рассматривать «Категории» Аристотеля в отрыве от его других сочинений, потому что Аристотель не только дал перечень категорий, но и убедительно показал, как они «работают». В «Аналитиках» они осмысливаются для построения силлогизмов, для систематизации понятий формальной логики, для получения истинностного знания. В «Топике» функционируют как *разновидности отношений* между бытийными сущностями, называя их и тем самым *приспосабливая* к языку и общению. В «Риторике», в этом руководстве как «находить способы убеждения», категории действуют как источники изобретения аргументов. «Метафизика» же имеет дело с самим бытием, и здесь категории рассматриваются не относительно языка, а относительно самой реальности. А.Ф. Лосев высоко оценил именно «вероятностную логику» Аристотеля, изложенную в трактате «Топика», которую называет «логикой жизни» [Лосев 2000: 398] и которую Аристотель, к сожалению, «оставил в стороне» [Новоселов 1973: 596] ради логики формальной.

С этого момента мы переносим своё внимание именно на категории Аристотеля, которые были и продолжают оставаться объектом исследования учёных на протяжении двух с половиной тысяч лет. Понять тайну топики как диалектики и обосновать перспективность её использования в языкознании в качестве структурно-смысловых моделей высказывания без «вникания» в категории Аристотеля не представляется возможным.

На протяжении веков *категории, предикабилии и топы* Аристотеля не только исследовались, но и видоизменялись. Трактат Цицерона под тем же названием «Топика» [Цицерон 1975: 56–81] – типичный образец объединения *категорий, предикабилии и топов* Аристотеля и переломный этап развития этой системы. Цицерон выделяет две разновидности «мест»: «одни связаны с тем, о чём ведётся дело, другие же берутся со стороны» [Цицерон 1975: 58]. К первой разновидности он относит *целое* (к которому присоединяет *определение*), *части*, *обозначение* («когда доказательство извлекается из смысла слов»), «соотносящееся с вопросом», где выделяет «множество частей», в том числе *род, вид, уподобление, различие, противоположности, обстоятельства, причину, следствие, сравнение*. Ко второй разновидности он относит те доказательства, которые «выводятся прежде всего из *авторитета*» или, как он называет их дальше, «*свидетельства*» [Цицерон 1975: 58–61, 74]. Далее Цицерон подробно рассматривает каждое из «мест», стремясь, с одной стороны, их разграничить, с другой – выявить моменты их взаимодействия.

Квинтилиан возвращает термину «диалектика» аристотелевское понимание и разделяет, в свою очередь, «общие места» и «источники изобретения». Под первыми он понимает общепринятые мнения, «заготовки», которые можно при случае использовать; под вторыми – *наиболее общие категории*, в соответствии с которыми можно строить собственные высказывания, излагая – по одним и тем же моделям – разные точки зрения. При этом оказывается, что «источники изобретения» Квинтилиана практически совпадают с *категориями* Аристотеля [Аристотель 1978: 53–90; Квинтилиан 1894: 350–375]. Таким образом, понимание топики как «общих мест» имеет своим истоком скорее всего то, что Квинтилиан и понимал под ними: «заготовки», общепринятые мнения. Топика как система структурно-смысловых моделей восходит к «источникам изобретения» Квинтилиана, основанным на категориях Аристотеля, которые, в свою очередь, есть систематизация, обобщение общечеловеческого опыта в бытии и мышлении, начиная с Гераклита.

В средние века эллинистический универсализм и стремление объять жизнь как проблему в её целостности и многообразии постепенно сменились предпочтением анализа синтезу, а топка – в виде «общих мест» – окончательно поселилась в риторике. Топика уже не отождествляется с диалектикой, но диалектика отождествляется с логикой, и никакого теоретического развития топики как диалектика в это время не получает. Например, П. Раме объединяет Аристотеля со схоластами и пишет трактат «Аргументы в риторике против Квинтилиана» [P. Ramus]. В его работе представление о риторике сужается до стиля (манеры) изложения, а диалектика включает в себя изобретение, расположение и запоминание. Топы же – числом десять (как категорий у Аристотеля) – основа изобретения, и к риторике, как и к логике, отношения не имеют.

Схоластическая традиция понимания древних греков была преодолена далеко не сразу. Ф. Бэкон причисляет Платона и Аристотеля к софистам (наряду с Горгием, Протагором, Гиппием). Р. Декарт отождествляет диалектику с «общими местами», противопоставляя её логике. Другие авторы этого времени выражают своё негативное отношение не вообще к Аристотелю или диалектике, а конкретно к «общим местам»: «Не стоит задаваться вопросом, когда следует рассматривать общие места: это не важно. Быть может полезнее разобраться, не лучше ли было бы не рассматривать их вовсе» [Арно, Николь 1991 (1662): 236]. Однако топика настолько вездесуща, что фигурирует, не узанная, даже у тех учёных, которые отказали ей в праве на существование в качестве «общих мест». Например, А. Арно и П. Николь, осудив «общие места» в традиционном понимании, чуть выше размышляют «о разновидностях общих идей: родах, видах, видовых отличиях, собственных признаках, случайных признаках». В другой главе они говорят «о сложных терминах, об их общности и частности», совершенно очевидно не связывая их с «общими местами», а по сути – рассматривая именно их, но в конструктивном – диалектическом – смысле, как топы [Арно, Николь 1991: 54–65].

Ещё больше сходства с «категориями» Аристотеля и «источниками изобретения» Квинтилиана обнаруживают «общие места риторические» М.В. Ломоносова [Ломоносов 1952: 102]. Перечень М.В. Ломоносова органично объединяет *категории, способы (топы) и предикабилии* Аристотеля и создаёт фундаментальную базу для *структурно-смысловых моделей*.

Строго говоря, каждый исследователь, который касался этого вопроса до М.В. Ломоносова и после него, вносил что-то своё в этот перечень. Принципиально только то, что никто из них, включая М.В. Ломоносова, не рассматривал топы как *структурно-смысловые модели* высказывания. Общие места в риторике традиционно рассматривались как «этикомемь». Исторически обуславливалось только их иное наполнение. Можно предположить, что изменения, внесённые М.В. Ломоносовым в традиционную систему, были связаны именно с этим. Зачем, например, вносить в этот перечень *определение*, если его нельзя этически классифицировать: определение должно отражать объективную истину, а значит оно этически нейтрально... по определению. Ещё раньше, до Ломоносова, по той же причине ушла из традиционной риторической системы общих мест аристотелевская категория *сущность*. Категорию *имя* Аристотель ещё не выделяет, потому что для него важнее *сущность* – категория, непосредственно связанная с бытием, а в предикабилиях – *определение*, которое «есть речь, обозначающая суть бытия» [Аристотель 1978: 353], «сказывание» о бытии. Цицерон же выделяет в своей «Топике» *обозначение* [Цицерон 1975: 58], понимая этот топ чисто прагматически, не связывая с сущностью бытия и не выделяя топ *сущность*. Видимо, именно *обозначение* Цицерона позже стало называться топом *Имя* в риторике.

Таким образом, несмотря на то, что структурированием Бытия и осмыслением его посредством языка и речи учёные занимаются на протяжении тысячелетий (Фалес, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Цицерон, Квинтилиан, Бозций, П. Раме, Ф. Аквинский, Р. Луллий, Ф. Бэкон, Р. Декарт, М.В. Ломоносов и многие другие), Аристотель первый представил *систему* (категорий, предикабиллий и способов-топов), охватывающую *всё* Бытие, осваиваемое человеком. Его величайшая заслуга в том, что он сумел охватить Бытие целиком как объективно существующую реальность и в то же время представить его – через категории – доступным осознанию человеческим разумом. Его категории действительно *роды бытия*, не сводимые к более крупным категориям, и в то же время представленные так, как может их представить человеческое сознание. Они не неподвижны, а диалектически взаимосвязаны и взаимодейственны. Поэтому и в языке они таковы же. Язык связан с мышлением, а значит, категории бытия есть *одновременно* категории мышления. Однако топика не начинается с Аристотеля и не заканчивается им. Великий учёный только подытожил предшествовавшие представления о топике и дал теоретическое обоснование этому понятию, а также показал, как пользоваться топикой в речевой практике.

Поскольку термин «категории» слишком многозначен, а *категории* Аристотеля – лишь прототип системы структурно-смысловых моделей высказывания, полагаем, что сегодня можно было бы использовать в этом смысле термины «топика» и «топы». С одной стороны, эти термины достаточно древние и изначально имели отношение к высказыванию («сказываемому»), с другой стороны, они – то хорошо забытое старое, которое может функционировать в современном языкознании как новое.

Во *второй главе «Топика в риторике, психологии, логике, лингвистике»* предпринимается попытка показать, что топика представляет собой универсальное понятие, активно функционирующее в разных научных сферах. Поскольку речевая деятельность имеет отношение ко всем гуманитарным наукам, а топика, на наш взгляд, способна выявить эту связь и стать дополнительной (или основной) базой гуманитарного Знания о Человеке, мы полагаем необходимым рассмотреть топикку с позиций дисциплин, наиболее важных для выполнения этих задач. Приоритетным принципом такого рассмотрения является аристотелевское понимание топикки как диалектики.

С.С. Аверинцев считает, что *р и т о р и к а* – это «подход к обобщению действительности» [Аверинцев 1981], т. е. некий общий методологический принцип, который помогает разобраться в этом мире и упорядочить его восприятие. В свете такого понимания риторики «общие места» приобретают совсем другое значение: это не банальные истины, не готовые штампы, а *способы мышления*. Представлению о такой общей базе в полной мере отвечают топы как структурно-смысловые модели, как метакатегории. Они есть абстракции, «предельно обобщающие и классифицирующие результаты

познавательной деятельности человека» – в самом широком и самом практическом смысле – и к нравственности безразличны. Но топы вооружают оратора *техникой мышления* о бытии, *общей* «картой местности» (А. К. Михальская), на которую каждый оратор наносит *своё* видение мира в процессе речевой коммуникации. Топы как структурно-смысловые модели объективны и исчислимы; мнения, которые посредством их выражаются, субъективны и бесчисленны. Конкретные высказывания подлежат этической оценке, а структурно-смысловые модели, по которым они строятся, нет, так как обеспечивают «логику говорящих» в процессе общения, служат общей базой взаимопонимания.

В психологии топика не рассматривается, поэтому мы только попытаемся показать, что топика *может иметь место* в этой науке, потому что присутствует в нашем сознании и мышлении, способствуя речевой деятельности и её освоению с самого раннего возраста. Более того, топика *необходимо функционирует* в исследовательских работах психологов – точно так же, как это было в работах Платона, Аристотеля, Порфирия, Арно и Николо и т.д.

Рассмотрим, например, с этой точки зрения работу известного психолога 20-го века С.Л. Рубинштейна о развитии мышления ребёнка [Рубинштейн 1989: 400–441]. Признавая, что мышление ребёнка совершается в двух планах – действенном и речевом, которые «взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга» [Ор. cit.: 401], С.Л. Рубинштейн отмечает, что «планирующая мысль *в действии*, развиваясь, конечно, не сразу, во многом, однако, *опережает* мышление в слове» [Ор. cit.: 401. Курсив мой. – В.С.]. Возникает вопрос: *что же тогда предшествует* Слову? Как конкретно формируется эта «планирующая мысль в действии», как и почему она *становится возможной*? С.Л. Рубинштейн отвечает на эти вопросы, используя... топик. «Перед ребёнком мелькает множество впечатлений. В зависимости от их яркости, соответствия потребностям ребёнка нечто в них выделяется. Ребёнок начинает замечать некоторые качества, которые определяют то, что он воспринимает. Это выделение определённых качеств неизбежно связано с произвольным абстрагированием от множества других, которые остаются вне поля зрения ребёнка» [Ор. cit.: 404]. С.Л. Рубинштейном здесь обосновывается приоритетность освоения топа СВОЙСТВА (КАЧЕСТВА) в самом раннем возрасте, а также указывается изначальная *связь* топов, их первичное освоение *во взаимодействии и взаимообусловленности*. Абстрагирование ребёнок производит произвольно, просто потому что не замечает того, что для него в данный момент неважно, но **ОБОБЩЕНИЕ** в его сознании уже начинает формироваться, и оно отнюдь не связано с речью.

Как ребёнок начинает мыслить? Он приходит в этот мир и начинает осваивать... топик. Он, конечно, этого не знает, но начинает постепенно понимать, что грудь, которая его питает, руки, которые заботятся о нём, голос, который его успокаивает, лицо, улыбка – это **ЧАСТИ ЦЕЛОГО, ИМЯ**

которому «мама». Плачет он сначала, конечно, бессознательно, но постепенно начинает понимать: если я заплачу, мама ко мне подойдёт и сделает то, что мне надо. Вот и усвоил человек топы ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ. Конечно, ребёнок ещё не в состоянии сделать эти выводы вербально, но он получает «доречевой» *Опыт*, на котором может строить все остальные отношения, в том числе речевые. Таким образом, топика, не являясь предметом исследования психолога, используется им как метаязык исследования. А ребёнок использует их же практически, потому что они – базовые свойства человеческой природы. «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства» [Выготский 1996: 13–14]. Но и в практическом постижении, а не только в анализе, полагаем, важна эта дальнейшая неразложимость, эти целостные единицы, без которых невозможно охватить ЦЕЛОЕ. ЦЕЛОЕ – речь; в реальной ситуации общения – высказывание; топ как структурно-смысловая модель – единица (ЧАСТЬ), обладающая свойствами ЦЕЛОГО. Полагаем, что ребёнок первоначально постигает именно эти целостные единицы. Другими словами, постигается сначала принцип причинности, а не собственно причины как «правильные» причины вещей, событий, фактов. Постигается принцип «называния», т.е. ребёнок начинает понимать, что всё как-то называется, а не как называется. Известно также, что дети постоянно подражают взрослым. А что это, как не первоначальное – практическое, деятельностное – освоение подобия, сходства; это то, из чего на вербальном уровне вырастают СОПОСТАВЛЕНИЕ и СРАВНЕНИЕ. Таким образом, изначально постигается принцип связности (и не обязательно реальная, истинная, «правильная» связь вещей), который и осваивается через топы.

Двухлетний ребёнок уже способен не только *сравнивать*, но и *оценивать*. Как и когда он этому *начинает* учиться? «Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мёртвый, – с этим связано его благополучие. Спрашивая словами или взглядом: «Что это?» – он требует не название, а оценку» [Корчак 1991: 19]. Однако чтобы *начать* задавать вопрос «что это?», ребенок *уже* должен знать, 1) что каждый предмет имеет имя; 2) что к каждому предмету следует как-то относиться.

Взрослый человек продолжает мыслить топами. Мыслить топами – это значит уметь конкретизировать предложенное понятие, обобщать, разлагать целое на части, т.е. использовать топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ. Мыслить топами – это значит давать ОПРЕДЕЛЕНИЯ уточненным понятиям или объектам и находить возможности для СРАВНЕНИЯ или СОПОСТАВЛЕНИЯ объектов или рассматривать объект в социальном или историческом аспекте, т.е. использовать топы ОБСТОЯТЕЛЬСТВА и ДЕЙСТВИЯ, устанавливая ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ отношения между объектами, ситуациями, понятиями и т.д. и т.п.

Х. Перельман в «Новой риторике» определил топику как *неформальную логику говорящих* [Perelman 1958]. Р.И. Павилёнис совершенно справедливо связывает логику говорящих с мнением [Павилёнис 1983]. Г.-Г. Гадамер обосновывает «мнение» двухсторонне, диалектически, «ибо диалектическое возражение – это не просто некий контртезис, который другой противопоставляет утверждаемому мнению в качестве *своего* мнения. Диалектическое возражение не имеет места там, где мнение противостоит мнению. Напротив, оно конституируется именно тем, что один и тот же разум должен признавать и мнение, и контрмнение» [Гадамер 2000: 63]. Тогда топики с логической точки зрения есть *базисная система выражения мнения*. Само понятие «мнение» предполагает субъективность понимания вещей и – обязательно – наличие противоположного. Ведь есть еще «сомнение», т.е. моё собственное мнение, как бы дополнительное к моему же основному мнению, нечто – хотя бы частично – ему противоположное.

Формальный логик Г. Фреге утверждал: «... при всем многообразии языков человечество имеет общий запас мыслей. Если бы любая трансформация выражения запрещалась потому, что это якобы влечёт изменение содержания, логика была бы парализована; ибо задача логики вряд ли может быть реализована, если не допустить возможности распознавания *той же мысли* под разными масками» [Frege 1953: 23]. Феноменолог Б. Рассел полагал, что «вся наша интеллектуальная жизнь состоит из мнений (beliefs) и переходов от мнения к мнению посредством того, что называется рассуждением. Мнения дают знания и заключают в себе заблуждения, они являются носителями истины и лжи. Психология, теория познания и метафизика заняты мнением, а от того, как мы его рассматриваем, зависят в принципиальной степени и наши философские воззрения» [Russell 1921: 231]. В этих двух высказываниях великих логиков если и есть противоречие, то только диалектическое. Человечество имеет общий запас *структур* мыслей, а истинное может существовать *внутри* правдоподобного, *внутри* мнения как *часть* его, и тогда адресат может сказать адресанту: ты *частично* прав; появляется возможность консенсуса. Истинное может выступать и как *противоположное* правдоподобному, и тогда, может быть, вовсе не будет достигнут консенсус. В процессе общения «здесь и сейчас» важно именно «диалектическое возражение» в духе Гадамара, а не объективно истинное. Более того: чтобы быть убедительным для конкретного адресата, даже истинное должно принять вид «диалектического возражения», ибо мы не принимаем безапелляционную истину, потому что воспринимаем её как навязывание чужого мнения.

Специфика каждого топоса создаёт возможность продвижения мысли, потому что обеспечивает смысловое и структурное разнообразие речевых актов и сохраняет логику целого высказывания. При этом не суть важно, идёт ли речь о большом речевом произведении или это реплика в контексте какого-либо диалога. Не имеет значения и синтаксическое оформление высказывания, равно как и его социальная значимость. Имеют значение, по

большому счету, только «функция и смысл». Попробуем это доказать на примере топа СОПОСТАВЛЕНИЕ. Пример 1: *Профилактика – лучшее лечение. Мы пытаемся предотвратить убийство* (Реплика Эржуля Пуаро из кинофильма). Пример 2: – *Но ведь красивая женщина! – Мухомор тоже красивый, но ядовитый. А желчный гриб очень похож на белый, а есть его нельзя!* (Из частного разговора о двойнике Аллы Пугачёвой). Абсолютно разные по содержанию и объёму эти высказывания в коммуникативном плане являются равнозначными, потому что имеют общую коммуникативную задачу – обосновать (разновидность убеждения) свой поступок (пример 1) или мнение (пример 2) *через привлечение подобных явлений из другой сферы действительности*. Общение возможно не только потому, что у говорящих есть общее представление о привлекаемых других областях действительности, но и потому, что в их сознании существует общая структурно-смысловая модель СОПОСТАВЛЕНИЕ, обеспечивающая адекватное понимание.

В лингвистике *топика* и *топы* могли бы получить толкование, более связанное с их историческими корнями. Проблема целостности и связности речи и текста занимает лингвистов давно. Эту проблему рассматривает как центральную в своих исследованиях *лингвистика текста*. Однако проблема *высказывания как основы* этой целостности и связности и сегодня не решается однозначно. Нерелевантность формальной логики для решения этих проблем в лингвистическом аспекте очевидна. Многие специалисты используют *высказывание* как нетерминологическое определение речи в очень широком смысле или – в узком смысле – как синонимичное предложению.

Проблема *единицы* текста и дискурса возникает постоянно, и *высказывание* в качестве аналога такой единицы было предложено еще М. Фуко: *высказывание – это «разновидность существования, присущего данной совокупности знаков»* [Фуко 1996: 108]. О.Г. Ревзина рассматривает такую характеристику *высказывания* как «отличную от лингвистического определения» [Ревзина 2005: 68]. Социологическая установка М. Фуко привела к тому, что «перевесили» коммуникативные факторы, а собственно текст/дискурс так и остался без своей единицы.

Однако если рассматривать данное М. Фуко определение *высказывания* диалектически и не видеть в «разновидностях» застывшие результаты, то можно сделать конструктивные и перспективные, на наш взгляд, выводы. Кстати, сама О. Г. Ревзина полагает, что «дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет чёткого контура и объёма и находится в постоянном движении. Назначение понятийного аппарата лингвистики дискурса состоит в том, чтобы обеспечить доступ к его структурообразующим параметрам» [Ревзина 2005: 66]. Таким образом, потребность в «структурообразующих параметрах» отмечена, но единицы, образующие эту структуру, не выявлены.

Нам представляется обоснованным и перспективным для исследовательских целей полагать дискурс родовым понятием относительно

речи, текста, диалога [Макаров 2003: 50]. А это, на наш взгляд, означает, что некоторые ведущие (общие) черты (качества) дискурса могут рассматриваться независимо от его разновидностей (как его РОДОВЫЕ функции). Полагаем, что таких основных функций две: *когерентность* (связность) и *аргументативность* (убедительность). Признавая теоретическую актуальность и практическую значимость прагматической структуризации дискурса, полагаем важным рассмотреть его как «субстанцию», которая «находится в постоянном движении» в его первичной – звуковой, устной, спонтанной – форме. Инструментом такого исследования является топика, представляющая собой систему структурно-смысловых моделей высказывания и понимаемая как диалектика речевого спонтанного общения. *Высказывание* можно понимать не только как *результат*, т. е. нечто сказанное, высказанное, не только как *процесс* «сказывания», но и как *единицу* «сказываемого». Эти единицы существуют в нашем сознании и по мере надобности используются в процессе речевой практики: РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, ИМЯ, СВОЙСТВА (признаки, качества), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (или ПРЕТЕРПЕВАНИЕ; термин Аристотеля), т. е. подверженность действию, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ. Они представляют собой *систему*. Эта система топов носит рекурсивный характер и структурирует любые сложные смыслы, обеспечивая не только линейность, но и объёмность, глубину нашей речи. Топы являются единицами речи/текста/дискурса. Они не заданы исследователем, а функционируют в естественном языке/речи носителей языка, актуализируемые ситуацией и содержанием общения.

Таким образом, топика не только существует на «стыке» гуманитарных наук, но, на наш взгляд, делает реальной их интеграцию. Она может способствовать выполнению тех задач, для которых «требуется комплексные исследования интегративного типа, способные принимать во внимание результаты научных изысканий в разных областях науки о человеке и последовательно исходить из принципа целостности психического как совокупного продукта взаимодействия биологического и социального, психики и реальности» [Залевская 2007: 381].

В *третьей главе «Что даёт топика лингвистической теории?»* топика рассматривается в двояком аспекте: как система знаковых единиц языка и как система структурно-смысловых единиц речи. Кроме того доказывается первичность топов относительно выразительных средств языка, особенно – тропов. Предполагается, что для конструктивного использования топики в современном языкознании следует пересмотреть общепринятый взгляд на категории Аристотеля как на классификацию предикатов древнегреческого языка [Бенвенист 2002: 104–114; Степанов 1981: 120–134, Степанов 1985: 55–56, Степанов 1998: 542–580]. Для этого критически рассматривается работа

Г. Райла [Райл 1995: 323–338], написанная еще в 1937 году, но вполне отражающая позиции многих современных учёных по этой проблеме.

Переход от понимания категорий Аристотеля как классификации частей речи к толкованию их как типологии предикатов был связан с осознанием предложения как ведущей языковой единицы. Сегодня лингвисты проявляют всё больший интерес к высказыванию как целостности, более пространной, чем предложение, и обладающей принципиально другой качественностью. Не есть ли это повод еще раз пересмотреть отношение к «Категориям» Аристотеля? Не будучи лингвистом, Аристотель, безусловно, думает в первую очередь о «вещах», а не о «словах», а «сказываемое» его интересует целостно, без очевидного выделения в нем предложений. Цицерон уже определённо разграничивает предложение и речь, отдавая приоритет последней: «предложение – это только часть законченной речи» [Цицерон 1975: 76]. «Топика» Цицерона изобилует примерами, которые не ограничиваются предложениями. Это всегда ситуация, и Цицерон стремится исчерпать её в речевом отношении, не заботясь о том, будет ли это одно предложение или несколько. Сегодня можно было бы сказать, что Цицерон обнаруживает дискурсивный подход к речи.

Если «предложение соотносительно с логическим суждением, но не тождественно ему» [Розенталь, Теленкова 1985: 227], а «высказывание – единица сообщения, обладающая смысловой целостностью» [Розенталь, Теленкова 1985: 49; Ахманова 2007: 94], то топ – это структурно-смысловая модель высказывания в обобщённом смысле, его инвариант.

Для того чтобы ввести топику в современную лингвистику, надо признать топ знаком. Чтобы признать топ знаком, прежде всего надо доказать, что топы реализуются в речи как *высказывания, не отождествляемые с предложениями.*

В качестве языковой единицы предложение получило разные интерпретации: как сложная неоднородная структура, имеющая несколько ступеней языковой абстракции (Д.Н. Шмелёв, Н.Ю. Шведова, Ю.С. Степанов); как синтагматическая цепь связей и отношений (Л. Блумфильд, Л. Теньер); как единица значения (Л.В. Щерба, О. Есперсен) и т.д. Потом учёные обратились к исследованию сложного полипредикативного предложения [Уханов 1980] и целого текста. В лингвистике появились новые термины, отражающие этот интерес: сложное синтаксическое целое [Солганик 1973], сверхфразовое единство [Левковская 1980, Шевякова 1990, Адмони 1994], микротекст, период [ЛЭС 1990: 435]. Появилось новое лингвистическое направление – лингвистика текста (Р. Харвег, В. Дресслер, Т.М. Николаева, В.Г. Гак, Б.М. Гаспаров, С.И. Гиндин, И.Р. Гальперин, Н.А. Левковская, О.И. Москальская, Е.В. Падучева, Е.А. Реферовская, В.Е. Шевякова, и др.). Учёных интересовала проблема и *речевой* единицы, большей, чем предложение. Её искали А.Х. Востоков, А.М. Пешковский, Л.А. Булаховский, И.А. Фигуровский, Х. Вайнрих и другие отечественные и зарубежные учёные. Осознанное как «речевая единица»,

сверхфразовое единство всё-таки рассматривалось с точки зрения внешней связности, обеспечивающейся общностью темы, развертыванием её в последующих предложениях, повторной номинацией, порядком слов и т.д. И хотя некоторые учёные полагают, что «понятие сверхфразового единства позволяет восстановить недостающие звенья при переходе от синтаксиса предложения к синтаксису целого текста» [ЛЭС 1990: 435], это понятие, пожалуй, только *помогло осознать наличие* «недостающих звеньев». Сверхфразовое единство, хотя и признавалось единицей (речевой), никак не классифицировалось. «Единица» усматривалась или в объединении нескольких предложений по смыслу, или в сегментации готового речевого продукта, главным образом текста, тоже «по смыслу», т. е. интуитивно. Таким образом, исследования лингвистов ограничиваются синтаксическим уровнем языка как верхним ярусом, доступным лингвистике, а предложение рассматривается как единица этого верхнего уровня, обеспечивающая коммуникативно-смысловое общение.

В 60-е годы прошлого века появился лингвистический словарь, в котором определение высказывания соотносится не с предложением, а с условиями его реализации: «Высказывание (акт коммуникации), англ. utterance, нем. Aussage, исп. enunciando, единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим в данных условиях языкового общения» [Ахманова 2007: 94]. Сама возможность постановки лингвистических проблем ставится в зависимость от возможности выделения в исследуемом материале единиц-инвариантов, где под *инвариантом* понимается «элемент абстрактной системы языка в отвлечении от её конкретных реализаций» [Ахманова 2007: 176].

Понятно, что лингвистическая единица должна обладать рядом определённых признаков. Во-первых, она должна обладать всеми свойствами целого, относительно которого мыслится как единица. Если это условие не соблюдается, мы имеем дело не с единицами, а с элементами [Выготский 1996: 11–14; Леонтьев 2005: 36–37]. Во-вторых, она сама должна складываться из единиц низшего уровня. Например, лексема из фонем, синтагма из лексем (внешняя) или морфем (внутренняя). В-третьих, количество единиц (инвариантов) должно быть исчислимо. Например, для лексемы в первом приближении это количество определяется системой частей речи, для внешней синтагмы – типом синтаксической связи. Правда, для единиц высшего порядка, близкого к сложному синтаксическому целому (сверхфразовому единству) в лингвистике, тем более для интерактивного хода или коммуникативного события в прагматике, второе и третье условия не могут считаться релевантными в силу их имманентной гетерогенности. Надо иметь в виду также следующее: чем крупнее лингвистическая единица, тем более весома её семантическая (пропозициональная, содержательная) часть. Между тем семема (семантема), выделяемая некоторыми учёными как лингвистическая единица плана содержания, не коррелирует с высказыванием: «Семема (семантема). Наименьшая единица системы

содержания, соотносимая с соответствующим ей элементом системы выражения в парадигматическом ряду, т.е. в системе единиц данного языка» [Ахманова 2007 (1969): 401]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года этот термин отсутствует.

Не претендуя на исчерпанность признаков, которыми должна обладать лингвистическая единица, и с учётом оговорок, сделанных относительно глобальных прагмалингвистических единиц, полагаем перечисленное все-таки определяющим для её выделения. Таким образом, если мы рассматриваем *высказывание как синтетическую единицу* сообщения (речи, общения, дискурса), то в языке оно должно представлять собой в этом качестве исчисляемую систему инвариантов.

Хотим отметить, что проблема *высказывания/предложения* есть следствие более общей проблемы, суть которой очень убедительно обрисовал А.Е. Кибрик: «В языкознании сосуществует достаточно большое количество интегральных концепций (моделей) языка, описывающих его устройство с разной степенью конкретности, детальности и в конечном счёте достоверности. Эти модели во многом противопоставлены друг другу и существуют на правах альтернативных гипотез, но часто представление о языке приравнивается к той или иной модели, хотя число общих свойств, приписываемых языку всевозможными моделями, сравнительно невелико. В целом практически все существующие модели языка, как статические (классическая традиционная грамматика языка, концепция Соссюра, Ельмслева и др.), так и динамические (генеративная грамматика, модель "СМЫСЛ-ТЕКСТ" и др.), страдают недоучётом предопределённости языка, производности его от речевой деятельности и прагматических условий его общения» [Кибрик 1992: 16].

В русле задач, рассматриваемых нами, наиболее продуктивным представляется функциональный подход, при котором высказывание определяется как единица, которая может быть равна предложению, но может быть и не равна ему. Эта позиция восходит к В. Матезиусу [1967], который, однако, также остаётся в рамках предложения, хотя и «актуально членённого». Учёными предполагается и другой языковой уровень, не равный предложению, однако в лучшем случае он только намечается и если и признаётся существующим, то по умолчанию. Например, И.П. Сусов, ссылаясь на Ю.С. Маслова, предлагает «процедуру выявления единиц языковой системы», в которой *ничто* не соответствует высказыванию [Сусов 2007: 69]. Воспроизводим эту схему соответствий, которую *дополняем* **ТОПОМ, соответствующим ВЫСКАЗЫВАНИЮ**.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ	ТОП
Актуальное предложение / Фраза	Модель предложения
Словоформа	Слово / Лексема
Морф	Морфема
Фон	Фонема

Понятие топа, вводимое нами в качестве *инварианта* высказывания, его структурно-смысловой единицы, позволяет продолжить ряд единиц более высокого уровня, следующего за предложением и имеющего *нелинейный* характер, и рассматривать систему таких инвариантов в качестве синтетических (синтезирующих) *языковых* единиц. Мы мыслим и говорим высказываниями, т.е. конкретизированными топами, а не предложениями. Топ может быть реализован неограниченно большим количеством предложений, но может быть равен и слову, если обладает определёнными качествами, которые можно охарактеризовать как *качества высказывания*.

Таким образом, мы полагаем, что, во-первых, *предложение*, которое принадлежит прежде всего письменной речи, *не есть высказывание*; во-вторых, *конкретное* (реальное) высказывание не может быть абстрагировано от реального процесса коммуникации. Топ, как любой языковой знак, выделим и автономен, но его абстрактность и обобщённость, его *диалектическая* природа, позволяющая трансформироваться одному топу в другой в зависимости от объёма высказывания и актуализации того или иного аспекта высказывания, отличает его от знаков других языковых уровней. Абстрактно-обобщённая природа топа как языковой единицы заключается в том, что материальная составляющая топа как означающего возникает только в реальном высказывании; само высказывание и есть его материальное означающее. Топ не просто супraseгментное средство, а абстрактная *языковая* единица сверхсинтаксического уровня, *качественно* определяющая *дискурс/текст*, структурирующая его в процессе естественного речевого общения.

Исследования в сфере языковой семиотики активно продолжаются. Поиски языковых знаков не ограничиваются ни словом, ни предложением: «Языковые знаки можно разбить на классы знаков полных, т.е. коммуникативно завершённых, самодостаточных (тексты, высказывания), и знаков частичных, т.е. коммуникативно не самодостаточных (слова, морфемы). Языкознание традиционно концентрировало внимание на знаках назывных (словах). Новейшая семиотика сосредоточивает свое внимание на *высказывании как полном знаке*, с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел» [Сусов 2007: 58. Курсив мой. – В.С.]. Под такое определение, на наш взгляд, подпадает только *реализованный* в конкретной ситуации топ.

В семиотике принято выделять три аспекта языка: *семантику*, предметом которой является смысловое содержание, *синтактику*, отражающую отношения между языковыми знаками разных уровней, и *прагматику*, ведающую отношениями между знаками и их пользователями. На наш взгляд, *топика* есть *четвёртый аспект языка*, связывающий мысль и речь через язык, тем самым диалектически обуславливая три другие его аспекта. Ни синтактика, ни семантика, ни прагматика не рассматривают *базовую* систему знаков, которая позволяет, с одной стороны, в самом общем виде ориентироваться в этом мире, с другой стороны, – адекватно понимать

друг друга. Хотя – в разрозненном виде – топы именно как элементы отражённой в мышлении и языке картины мира присутствуют как в нашем обыденном мышлении и бытовом общении, так и в самых разных теориях самых разных наук. Например, гештальт-теория в психологии построена на соотношении *частей* и *целого*; разного рода телеологические теории – на *целевых* отношениях; теория фреймов основывается на *действии* и системе вопросов, построенной на той же топике, и т.д. Даже система тропов не первична, а имеет в основе топику: метафора в самом общем виде основана на СРАВНЕНИИ или СОПОСТАВЛЕНИИ; метонимия – это замещение ЦЕЛОГО ЧАСТЬЮ; оксюморон строится на ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ и т.д. Таким образом, *топики* – это система потенциально полных объективно-абстрактных языковых знаков-моделей, типология инвариантов высказываний на уровне языка. Полагаем, что в целом наша речь обусловлена наличием этой базовой системы знаков-топов в языке.

Что же происходит с семиотической системой топов в речи? Как эта знаковая система функционирует?

Сегментный анализ любого связного текста, равно как и спонтанной речи, убеждает нас в том, что речевой дискурс естественно и без остатка членится на отрезки, отражающие эту структурно-смысловую систему. Более того, в неподготовленной устной речи очень трудно выделить законченные предложения, а структурно-смысловые единицы, соответствующие топам, вычлениются всегда, потому что именно они её структурируют.

Продемонстрируем это на примере. Возьмем фрагмент из телевизионной передачи в прямом эфире («Встречи на Моховой» от 22 ноября 2008 года) и разделим его на смысловые отрезки, каждый из которых не может претендовать на завершенность, но несёт некоторый смысл и может быть охарактеризован как *топ определенной разновидности*. Такое разделение не совпадает с синтагматическим членением, которое имеет формально-синтаксическую природу. В то же время это и не семантический анализ, потому что цель такого разделения – выявить наиболее общие конструктивные модели (топы), продемонстрировать их функционирование в естественном речевом общении. Такой анализ можно назвать *топологическим*. Двумя косыми линиями обозначены условные границы топа. Иногда они совпадают с предполагаемым концом предложения, иногда нет, но в любом случае в месте «стыка» топов говорящим делается пауза. Одиночные косые линии обозначают менее актуальные, но вполне ощутимые разновидности топов, моменты «перетекания» одного топа в другой. Здесь тоже делаются паузы, но значительно короче. Многоточием отмечены «паузы обдумывания» В данном фрагменте мы выделили пять структурно-смысловых моделей, их номера указаны в скобках перед высказыванием.

Ведущий: (1) *Есть какое-то мгновение из детства / может быть день может быть какая-то доля секунды /которая очень ярко вспоминается //*

Т. Толстая: (2) Ну это было... самое раннее мое детство / и я вот... совсем недавно я думала что мне было лет пять но я выяснила что мне было полтора потому что... фотографии наклеены в альбоме там даты были проставлены // (3) мы жили на даче где у хозяина как мне потом рассказали был хлев... в нем поросёнок / вот мне решили показать этого поросёнка ну интересно же вот ребёнок вот поросёнок / решили организовать эту встречу и значит мне говорят... посмотри какая там штука интересная есть / и я... сунулась в эту тьму хлева / и перепугалась до смерти / потому что это... ну ...это динозавр был для меня / это нечто огромное во много раз выше меня которое так повернулось и страшно хрюкнуло/ и вот я перепугалась до смерти и ... все вокруг радостно захохотали / вот // (4) и я очень хорошо помню этот момент... я его помнила всю свою жизнь... потому что он в каком-то смысле помог мне... не то чтобы сформировать характер... но... помог мне что-то в самой себе раскрыть // (5) Испытала следующий набор чувств сначала страх... затем обиду потому что смеялись надо мной дети очень обижаются когда над ними смеются / и затем эта обида переросла вот в какое чувство... я пыталась видимо с ней внутренне бороться чтобы она прекратилась... чтобы это ощущение обиды прекратилось... я как бы выросла над собой и над ними / то есть я вдруг увидела себя абсолютно взрослым человеком / у меня тогда не было таких слов... но у меня был полностью набор таких чувств... вот я сейчас могу это озвучить... я увидела себя совершенно взрослым человеком, а их маленькими детьми... и ... мне их стало жалко / мне стало жалко что эти люди такие глупенькие... что они не понимают что над человеком так нельзя... что нельзя человека так унижать так смеяться / и я всё это почувствовала / и с этого момента я уже была отчасти другим человеком //

Высказывание (1) – реплика ведущего, в которой актуализированы ОБСТОЯТЕЛЬСТВА времени (мгновение детства, день, доля секунды), которые предъявляются от ОБЩЕГО к ЧАСТНОМУ, ориентируя тем самым собеседницу на использование структурно-смысловой модели ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ). Это КОНКРЕТНОЕ должно обладать определённым КАЧЕСТВОМ (...ярко вспоминается...). Весь последующий монолог Т. Толстой вполне адекватен вопросу ведущего и представляет собой целостное высказывание, соответствующее структурно-смысловой модели ЧАСТНОЕ. В то же время монолог совершенно очевидно распадается на достаточно самостоятельные высказывания, каждое из которых построено по собственной структурно-смысловой модели.

Высказывание (2) – уточнение, конкретизация ОБСТОЯТЕЛЬСТВА времени (детство) в соответствии с вопросом ведущего (раннее детство). Адекватность ответа рассказчицы в этой части обеспечивается топами ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (...думала что мне было лет пять но я выяснила что мне было полтора...) и ПРИЧИНА (...потому что фотографии наклеены

в альбоме там даты были проставлены...). Подтекст: я буду говорить о детстве, как вы просили.

Понятно, что ведущего интересует не обстоятельство времени, а *событие*, которое произошло в это время, а оно произошло, разумеется, в пространстве, значит нужно продолжить конкретизацию и обрисовать **ОБСТОЯТЕЛЬСТВА** места (*дача, хлев, поросёнок*). В данный момент высказывания *поросёнок* тоже пока только **ОБСТОЯТЕЛЬСТВО** места.

Однако обстоятельства места – не самоцель, поэтому и не самостоятельное высказывание. Событие же – это происшествие, т.е. **ДЕЙСТВИЕ**. Этот топ и становится ведущей структурно-смысловой моделью в высказывании (3): *...мне решили показать... решили организовать эту встречу... мне говорят...посмотри... я сунулась... перепугалась... захохотали...* Но это только поверхностный слой, связанный с нарративностью высказывания. Действия вступают в более глубокие отношения, главное из которых **ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ**: *я перепугалась до смерти – все вокруг радостно захохотали*. Но к этому главному, к кульминации, надо подвести (чтобы убедить, чтобы сильнее воздействовать), поэтому используются и другие структурно-смысловые модели, мотивирующие и конкретизирующие действия: **ПРИЧИНА** (*ну интересно же вот ребёнок вот поросёнок*), **СВИДЕТЕЛЬСТВО** (*мне говорят... посмотри какая там штучка интересная есть...*), **СЛЕДСТВИЕ** (*и я... сунулась в эту тьму хлева*), **ПРИЧИНА** – уже противоположной стороны, почему испугалась (*потому что это... ну ...это динозавр был для меня / это нечто огромное во много раз выше меня которое так повернулось и страшно хрюкнуло*). То, что в контексте анализируемого фрагмента является топом **ПРИЧИНА**, может быть и самостоятельным высказыванием в других условиях или дополнительной «глубиной» данного высказывания, и тогда *динозавр* – новое **ИМЯ** поросёнка.

В то же время указанное **СВИДЕТЕЛЬСТВО** – это **СЛЕДСТВИЕ** того, что *решили показать и интересно*, а также **ПРИЧИНА** того, что *я сунулась...* Знаменательно «*вот*», которым завершается высказывание (3). Оно уже было в предшествующем противопоставлении и возникает опять после него. Если в первом случае его можно не заметить, оно лишь – в соответствии со своей лексико-грамматической функцией – *указывает* (на противопоставление: *вот ребёнок вот поросёнок*), то во втором случае его нельзя не заметить, потому что оно уже в другой функции. Это «*вот*» *обобщает*, в нем всё, сказанное в (3) и не высказанное, но переживаемое в данный момент: вспоминать и рассказывать об этом трудно, поэтому оно – одно слово – соответствует в данной ситуации структурно-смысловой модели **ОБЩЕЕ**. Высказывание (4) – это топ **ПРИЧИНА**, объяснение, почему *ярко вспоминается...* (как спросил ведущий), почему *помню этот момент...* *помнила всю свою жизнь*.

Наиболее сложно по структуре и глубинно по смыслу высказывание (5). В целом его можно охарактеризовать как *конкретизацию причины*, указанной

в высказывании (4). Эта конкретизация совершается посредством *внутренних ДЕЙСТВИЙ*. Первая «сложность», таким образом, заключается в том, что топ ДЕЙСТВИЕ и топ КОНКРЕТНОЕ реализуются *одними и теми же* языковыми средствами. Вторая «сложность» в том, что это *другая* разновидность действий – *внутренних*, в отличие от действий в высказывании (3) – *внешних*. (Значит, рассказчица задействовала еще и топ *разновидности* (ВИДЫ), к тому же эти разновидности *противоположны*, значит, здесь имплицитно присутствует и топ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ). Смысл же этих внутренних ДЕЙСТВИЙ (*я испытала...обиду, обида переросла..., я пыталась видимо с ней внутренне бороться чтобы она прекратилась..., я как бы выросла над собой...*) в появлении нового КАЧЕСТВА (*вдруг увидела себя абсолютно взрослым человеком*), которое является СЛЕДСТВИЕМ этих предшествующих ДЕЙСТВИЙ. К тому же этих следствий-качеств два, а не одно, и они – ПРОТИВОПОЛОЖНЫ: *я увидела себя совершенно взрослым человеком а их маленькими детьми... А дальше – СЛЕДСТВИЕ этого противопоставления этих качеств: и ... мне их стало жалко.... СЛЕДСТВИЕ, с одной стороны, КОНКРЕТИЗИРУЕТСЯ: мне стало жалко что эти люди такие глупенькие... что они не понимают что над человеком так нельзя...что нельзя человека так унижать так смеяться, а с другой, – ОБОБЩАЕТСЯ: ... и я все это почувствовала, и с этого момента я уже была отчасти другим человеком...*

Таким образом, выбирая для употребления тот или иной знак-модель, человек руководствуется *сиюминутными, текущими* задачами речевого общения, которые могут меняться в процессе спонтанного высказывания. Выбор происходит бессознательно. Однако этот процесс не хаотичен, не произволен, потому что топ как знак обеспечивает структурированность будущего высказывания уже на уровне зарождения мысли. Топ в действии есть *объективный* акт референции, указывающий на *отношения* между предметами, ситуациями, действиями, впечатлениями и т.д., актуальными в данный момент для общающихся. Другими словами, топика структурирует не собственно речь, а «речь, погружённую в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), т.е. дискурс.

Понятно, что не все структурно-смысловые модели (топы) используются в *каждой* речи, в *каждом* дискурсе, но каждая конкретная речь естественно членится на фрагменты, соответствующие тому или иному топу. При этом топы просматриваются одинаково и в диалогической, и в монологической речи; в них укладываются и *вопросительные*, и *повествовательные* предложения; в них укладываются *эмоционально-экспрессивные* и *оценочные* предложения; не исключение и *отрицательные конструкции*.

Если предложения в речи могут оказаться *неполными, фрагментарными*, не соответствующими грамматическим и синтаксическим нормам и т.д., то топы охватывают *всё* высказывание, *всю* речь в любой реализации, даже в том случае, если мы говорим грамматически неправильно, но коммуникативно значимо, т.е. *содержательно, относительно логично*, а главное – *убедительно и доступно* для собеседника. Другими словами, для

топов нет «неправильной» речи, если собеседники друг друга понимают. Именно топы обеспечивают эффективность нашей коммуникации. Например, если вы иностранец или вам полтора года от роду, вы вполне можете ограничиться топом ИМЯ, и будете понятны для окружающих: иностранец спрашивает, как проехать к библиотеке: – Библиотека... Транспорт...; Рома (1,5 года) по телефону сообщает о новой игрушке: – Машинка...

Обратим особое внимание на целостность дискурса, в рамках которого актуализируются топы и проводится анализ. Мы должны условиться, что будем воспринимать данный фрагмент дискурса как целостность, и адекватность анализа должна оцениваться с точки зрения именно этой – условной – целостности. Таким образом, дискурс обеспечивает актуализацию того или иного топа в данный момент высказывания, а топика, в свою очередь, обеспечивает связность, логичность и целостность дискурса, т.е. его структурирует. В этом проявляется диалектичность топика, а в конечном итоге – диалектика нашей речи, порождаемая самой жизнью.

В четвёртой главе «Качественная характеристика топов» топика рассматривается как система «вершинных» языковых категорий, даётся качественная характеристика каждой структурно-смысловой модели, выявляются их специфика и характерные способы взаимодействия, чем обосновывается диалектическая системность топика.

В 70-е годы прошлого века внимание учёных привлекли исследования Элеоноры Рош, которые якобы «бросают вызов традиционной Аристотелевской теории» [Моран 2006]. Нам представляется более конструктивным подход А. Вежбицкой: «Часто призыв к использованию прототипов объединяется с утверждением о существовании двух подходов к категоризации: «классический подход» (связанный с Аристотелем) и «прототипический подход» (связанный, в частности, с Рош и Витгенштейном). Их противопоставляют, как правило, для того, чтобы объявить классический подход ложным, а прототипический истинным. По моему мнению, однако, подобное противопоставление двух подходов нам ничего не может дать. Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицкая 1996: 201].

Однако нельзя недооценивать те вопросы, которые задаёт Э. Рош и на которые не может быть ответа до тех пор, пока не будет определён выявлена глобальная языковая категоризация, присущая Человеческому Языку в целом. Э. Рош пишет: «Когда мы слышим общее имя (a category word) естественного языка, такое, как *мебель* или *птица*, то какого рода представление оно вызывает в нашем сознании? Список признаков, необходимых и достаточных для принадлежности к данной категории? Конкретный образ, который репрезентирует эту категорию? Список членов категории? Способность употреблять категориальные термины вообще без

всякой опоры на ментальные представления? Или какие-то другие, труднее определяемые формы представления?» [Rosch 1975: 193]. Полагаем, последнее. Потому что слышим мы любое имя, в том числе и общее, в контексте, в ситуации, в дискурсе, и для нас в естественных условиях общения и употребления – всегда – важно только это *актуализированное* имя, сказанное нам или нами *почему-то*. Дж. Лакофф подчеркивает, что на третьем этапе своих исследований и сама «Рош пришла к выводу, что вопрос о соответствии экспериментально выявленных прототипных эффектов ментальным представлениям остаётся открытым. Прототипные эффекты лишь ограничивают область того, чем могут быть ментальные представления, однако взаимно однозначного соответствия между ними нет. Прототипные эффекты имеют определённые «источники», однако мы не в состоянии их выявить» [Лакофф 1995: 159]. Их и невозможно выявить в искусственных условиях эксперимента, где нет ни ситуации, ни контекста, ни общения, ни интенций.

Однако эти «другие, труднее определяемые формы представления», эти «источники», которые, видимо, представляют собой глобальные языковые категории, необходимо определить и выявить (что мы и пытаемся сделать в данном исследовании), потому что они имплицитно присутствуют в любой нашей речи, которая, на наш взгляд, и возможна только благодаря этим *естественным* глобальным языковым категориям.

В работе [Шведова 2005] не используются термины *прототипы* или *инварианты*, как не используются и *топики* и *топы*, однако труд Н.Ю. Шведовой направлен на поиски наиболее обобщённого *языкового смысла*, на целостную организацию *языкового (смыслового) пространства*, что тождественно поискам глобальных языковых категорий, которые автор называет «вершинными».

Н.Ю. Шведова ссылается на Аристотеля: «Здесь целесообразно вспомнить о философских категориях Аристотеля, по существу оказывающихся также и категориями языковыми: все они определяются посредством слов с самым абстрактным значением и, что очень важно, в большинстве своём посредством местоимений» [Шведова 2005: 452]. На наш взгляд, философские категории Аристотеля *непрерывно* являются и языковыми – хотя бы потому, что во времена Аристотеля не существовало науки лингвистики, а языковые проблемы отождествлялись с философскими. Из того обстоятельства, что категории Аристотеля определяются – *в большинстве своём* – местоимениями, вытекает, на наш взгляд, два следствия: во-первых, *не все* категории Аристотеля охватываются местоимениями, во-вторых, для Аристотеля была важна *не форма* выражения, а *сущность* проблемы, и он, вслед за Платоном с его эйдосами, искал *наиболее общие смыслы бытия*.

Конструктивна сама идея Н.Ю. Шведовой о существовании *естественной языковой закрытой исчислимой «вершинной» системы* [Шведова 2005: 449–461. Однако мысль о том, что такой системой является

дейктическая система языка, представляется не столько спорной, сколько недостаточно «вершинной».

Понятие абстрактности не абсолютно; оно обладает степенями, «ступенями» [Шведова 2005: 466]. Эта способность нашего мышления положена в основу и «многослойного» слова у А.Ф. Лосева. В числе *шестидесяти семи слоёв* слова-имени А.Ф. Лосев под номером 49 выделяет *топологический* момент в слове, специфика которого в том, что он характеризует *качественную* структуру слова. У этого момента есть и второе название – *морфный* [Лосев 2009: 176]. В связи с этим вспомним работу В.Я. Проппа «Морфология сказки» [Пропп 1928]. В.Я. Пропп не просто описывает структуру волшебной сказки, не просто даёт её схему, но выделяет её *качественную* структуру, *качественно заполненную* схему. Таким образом, морфология сказки есть *топология высказывания определённого жанра*. Полагаем, что от работы В.Я. Проппа, написанной в 20-е годы прошлого века, можно (и нужно) перейти к *топологии высказывания вообще*. А топология высказывания неизбежно выводит на «вершинные» языковые категории, которые не могут быть выявлены и конструктивно введены в языковую науку до тех пор, пока основным объектом лингвистических исследований будут оставаться изолированное слово и изолированное предложение, и – как следствие – утопические попытки установить «членство» этих глобальных категорий. Как только заходит речь о *членах* категории, мы неизбежно переходим к классификации. Только относительно *классификаций* правомерно говорить о «членах». *Категории* же целостны, ментальны, присущи как мышлению, так и речи, как сознанию, так и бытию. Они функционируют прежде всего как *отношения*, а не как члены.

И тогда нет необходимости считать дейктическую систему языка более абстрактной системой, чем классы других «человеческих» слов в языке. Местоимения, даже те, которые Н.Ю. Шведова называет «исходами», формирующими смысловое пространство языка, выражают лишь *степень* абстракции, хотя и большую, чем та, которой обладают другие «человеческие» слова. И вот эту *максимальную* для нашей линейной речи абстракцию и *выражают* местоимения. Другими словами, местоимения как класс «нормально-человеческих» (по Лосеву) слов, хотя и обладают высокой степенью обобщённости, все-таки относятся к плану *выражения*. Категории же не могут быть *выражением самих себя*. Они только *мыслятся*. В этом легко убедиться даже на примере грамматических категорий: для того, чтобы выразить падеж (грамматическая категория), нужны флексии (средство выражения), для выражения лица (грамматическая категория) – местоимение в соответствующей форме (средство выражения), для времени (грамматическая категория) – соответствующая форма глагола (средство выражения) и т.д. Грамматические категории «подчиняются» категориям более общего порядка, языковым, прообраз которых, несомненно, Категории Аристотеля. Но только прообраз. Сегодня нельзя не учитывать их последующую историю.

Далее в этой главе мы проводим анализ выделенных «вершинных» языковых категорий (топов), подчёркивая одновременно и их качественную специфику, и их взаимообусловленность, зависимость друг от друга.

Анализ начинается с исследования топа ИМЯ. Доказывается, что словомия сказуемостно, т.е. содержит в себе свёрнутое высказывание. Общее и частное в слове градуировано, имеет *степени*, и топос слова (по А.Ф. Лосеву) есть его *качественно определённая* схема или – применительно к «человеческому» слову – *общая идея* слова. При этом каждый «слой» словимени содержит в себе *весь* эйдос, *всю* сущность, и тем самым слово сохраняет свою смысловую целостность. Общая идея *конкретного* слова имеет продолжение в своём «кином» – как в сторону ещё большей конкретизации (и тогда это *употребление* слова и тем самым *интерпретация* вещи, которая именуется этим словом), так и в сторону ещё большего обобщения (и тогда это ИМЯ как структурно-смысловая модель, заменяющая категорию *сущность* в ментальном плане). Таким образом, топ ИМЯ первоначально определяет смысловое пространство языка, потому что в ментальном плане ИМЯ равноправно СУЩНОСТИ бытия. «Вещи и сами представляют собой некое переплетение, и имена их, также переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен» [Платон 1993: 264].

Далее рассматриваются топы АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ, ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, РОД, ВИД и ОПРЕДЕЛЕНИЕ, выявляется специфика их функционирования. Как функционирование АБСТРАКТНОГО и КОНКРЕТНОГО рассматриваются и сами топы: абстрактны «вершинные» языковые категории, структурно-смысловые модели, система сверхсинтаксических языковых знаков; конкретны «общие места», идеологемы, индивидуальные высказывания, построенные по этим структурно-смысловым моделям. В риторике топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, равно как и АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ отсутствуют [Михальская 1996: 129–158]. Их заменяют РОД и ВИД, что, на наш взгляд, не вполне корректно уже потому, что родовидовые отношения носят скорее формально-логический, чем коммуникативно-риторический характер, а значит – не могут вполне охватить *все* бытующие сферы общения и говорения. Тогда как именно они, РОД и ВИД, лежат в основе концептуальных языковых парадигм – как теории прототипов, так и (частично) теории инвариантов (семантических примитивов). При анализе работ, посвящённых этим проблемам (работы Э. Рош, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой), выявляются очевидные несоответствия как раз потому, что не разграничиваются в качестве «вершинных» категории РОД и ВИД – с одной стороны, и ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ – с другой.

Топ ОПРЕДЕЛЕНИЕ рассматривается как главная (определяющая) структурно-смысловая модель, позволяющая сделать доступным индивидуальный концепт для *Другого*. *Выражение* ОПРЕДЕЛЕНИЙ может

быть самым разнообразным, при этом могут быть задействованы не только РОД и ВИД, но любые другие топы.

СВОЙСТВА, ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА – это один и тот же топ, одна и та же структурно-смысловая модель, но имеющая разные ИМЕНА в зависимости от уточнённой сферы функционирования. Этот топ теснейшим образом связан с классическим родовидовым ОПРЕДЕЛЕНИЕМ, потому что главное содержание ОПРЕДЕЛЕНИЯ обязательно реализуется через *существенные* и *особенные* ПРИЗНАКИ. Топ СВОЙСТВА связан и с ИМЕНЕМ, потому что «перенос имени означает как бы перенос и свойства одной вещи на другую, настолько тесно и неразрывно связаны между собой свойства вещи и её название» [Выготский 1996: 312]. Топ СВОЙСТВА может иметь степени, градацию, т.е. «постепенный переход от конкретных к абстрактным названиям можно исследовать на названиях качеств вещей» [Кассирер 1998: 599]. Оценка, отношение говорящего к ситуации, к высказыванию или поступку оппонента – это тоже определённого рода КАЧЕСТВО, *приписываемое* предмету говорения-общения «здесь и сейчас». *Логическое и чувственное* (эмоциональное) могут рассматриваться как *разновидности* топа КАЧЕСТВА, и любому высказыванию может быть дана в этом плане *качественная* характеристика – в зависимости от того, что в нем превалирует.

Далее рассматривается как *единая* «вершинная» категория структурно-смысловая модель ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА, ВРЕМЕНИ и ЦЕЛИ, потому что только единством пространства, времени и цели координируется наше существование и общение. Удачной попыткой связать воедино пространство/время нашей речевой практики – антропологически глобально, всеобъемлюще – представляет собой «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси: «Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. "*Здесь*" он говорит в направлении из внутреннего пространства во внешний мир и в направлении из мира, что находится снаружи, в своё собственное сознание. А "*Теперь*" он говорит в промежутке между началом времён и их концом» [Розеншток-Хюсси 1994: 56]. Существовая в пространстве и времени, обладая сознанием, содержание которого – переживание чувственных и умственных образов, человек не может не *желать*, а значит – не может не ставить перед собой *целей*. Рассмотренный выше «крест реальности» не включает в себя целепологание, тогда как именно *цели, намерения, желания, стремления, поставленные задачи, интенции, воля* человека регламентируют бытие как человеческого общества, так и природы, подвергаемой активному влиянию человека. Конечно же, каждый из этих концептов имеет собственное семантическое поле, отличающееся степенью активности, определённой реализацией и др. (т.е. они не синонимичны). Но в качестве «вершинной» языковой категории и – функционально – в качестве структурно-смысловой модели все эти смыслы покрываются топом ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ. Высказывание всегда реализует какие-либо цели его произносящего. Поэтому в системе структурно-смысловых моделей (топов) мы рассматриваем ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ как

одно из ведущих, наряду с ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА и ВРЕМЕНИ и совокупно с ними.

Целостность тоже связана с целью: ЦЕЛОЕ – это то, что есть результат достижения цели, нечто, обусловленное целью, завершённое потому, что достигнута цель, выполнено (реализовано) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО цели. По сути дела, *целостность* объекта можно определить, только связав с целью. Иначе целостность уходит в «дурную бесконечность» и теряет свой смысл. Целостность всегда соотносительна с целью, зависит от того, какую антропологическую цель мы имеем в виду в данное время и в данном месте. Корни этого отношения в *энтелехии* (от греч. *entelecheia* – завершение, осуществлённость) Аристотеля. Наряду с «качественной определёностью» выделяется «целостная определёность», которая наиболее полно разрабатывается в гештальттеории. Выдвинутая Хр. Эренфельсом идея принципиальной несводимости целого к сумме составляющих его частей получила широкое распространение не только в психологии (например, в [Выготский 1996: 11–14]), но и в других гуманитарных сферах. Единицей гештальттеории является гештальт – «пространственно наглядная форма воспринимаемых предметов; в переносном смысле употребляется также по отношению к психическим и культурно-историческим образованиям, части которых определяются целым и которые в то же время взаимно поддерживают и определяют друг друга; образования, чьи существенные свойства нельзя понять путем суммирования свойств их частей» [ФЭС 2006: 103]. Это обобщённое в современном философском словаре положение имеет долгую историю. Его прообраз можно найти еще у Платона применительно к речи: «Пожалуй, следовало бы за слог принять не совокупность букв, а какой-то возникающий из них единый зримый вид, имеющий свою собственную идею, отличную от букв» [Платон 1993: 266]. Структурно-смысловая модель ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ, как и другие топы, охватывает собственное ментально-смысловое поле, мобильна и диалектична. Какая именно её сторона будет актуализирована в процессе речевого общения и как будет выражена, зависит от предмета общения, ситуации общения, дискурса, экстралингвистических факторов, индивидуальных особенностей общающихся, их отношений и пр.

Два вида *движения* определял еще Платон: «Есть два вида движения, количественно беспредельные: свойство одного из них – действие, другого – страдание, <...> причём невозможно, как говорится, твердо разграничить, что здесь действующее, а что страдающее» [Платон 1993: 208–209]. Движение и действие в топологическом смысле соотносятся как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ. Однако в реальной практике общения мы имеем дело, как правило, с конкретным ДЕЙСТВИЕМ, поэтому актуально для нас ДЕЙСТВИЕ и как действие, и как всеобщая предикативность, и как структурно-смысловая модель, реализующая в *конкретных ситуациях* динамику мира и нашего существования (осуществления) в нем. Кроме того, ДЕЙСТВИЕ, хотя и может быть *необдуманным* или *ошибочным*, даже *машинальным* или *автоматическим*, не может быть *непроизвольным* и, как правило,

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО (в отличие от *движения*, которое может быть произвольным и автоматическим). «Интерииоризация действий, т. е. *постепенное преобразование внешних действий в действия внутренние, умственные*, есть процесс, который необходимо совершается в онтогенетическом развитии человека» [Леонтьев 1983: 128. Курсив мой. – В.С.]. На этой прозрачной и конструктивной идее основывается и современная соматическая теория языка, приобретающая всё большую популярность, в основе которой непосредственная связь речевой деятельности и тела человека (см., например, в [Залевская 2002; Романов, Сорокин 2004]), а значит языка и движения, языка и ДЕЙСТВИЯ. И другие категории, рассматриваемые с позиций языка, непременно обнаруживают связь с ДВИЖЕНИЕМ и ДЕЙСТВИЕМ. Например, С.А. Чугунова, проведя основательный анализ понятия *времени* с позиций различных наук [Чугунова 2009], приходит к выводу: «время есть движение», а «темпоральный опыт и внешний сенсомоторный опыт – это взаимообусловленные процессы». Всё – от платоновского «говорить не есть ли одно из действий» до глубоко обоснованных научных парадигм *теории речевых актов* и *теории речевой деятельности* – подтверждает всеобщность и глобальность структурно-смысловой модели ДЕЙСТВИЕ, «вершинность» её в качестве языковой категории. ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ-ПРЕТЕРПЕВАНИЕ есть две стороны процесса интерииоризации, два её «конца»: начинается с претерпевания, т.е. с «испытывания» воздействия, завершается формированием динамической структуры сознания, ментального пространства. «Завершение» это, конечно же, условно. Сформированная структурно-смысловая модель ДЕЙСТВИЕ каждодневно функционирует в нашей социальной (уже сознательной) жизни.

В процессе исследования мы часто обращались к понятию актуальности; следует подчеркнуть, что изначально слово *актуальный* означало *дейтельный* (лат. *actualis*) [Современный словарь иностранных слов 1994: 30]. Таким образом, сам процесс актуализации/выбора того или иного топа в процессе коммуникации есть деятельность, движение, ДЕЙСТВИЕ. Более того, сама *действительность* немислима без ДЕЙСТВИЯ.

На протяжении веков представление о том, что такое ПРИЧИНА, менялось. Уже в наше время специально проблеме исторических изменений этого понятия в науке (прежде всего в философии) посвящена работа польского исследователя Вл. Краевского [1967]. Ю.С. Степанов рассматривает, в свою очередь, *концепт "причина"* с позиций современной лингвистики, опираясь на это исследование. «Эволюция концепта "Причина" выглядит при этом следующим образом:

- (1) Вещь есть причина вещи (Аристотель);
- (2) Вещь есть причина события (Аристотель; Фома Аквинский);
- (3) Свойство есть причина события (Галилей; Ньютон);
- (4) Свойство есть причина свойства (Гоббс; Локк);
- (5) Состояние есть причина состояния (Лаплас; современная физика);
- (6) Событие есть причина события (Юм; современная философия)»

[Степанов 1995: 64].

Мы убедились, что все модели причинных отношений, признанные в веках и рассмотренные в качестве таковых Вл. Краевским и Ю.С. Степановым, имеют место, бытуют в нашем повседневном мышлении и нашей бытовой речевой практике *сегодня*. Мы о них не думаем, но употребляем. Приведём «примеры из жизни»:

(1) *Это папка мой, я его сын...* (Вещь есть причина вещи, если вещь понимать широко, как и понимал Аристотель); (2) *Да камень тут.... Вот тебе и авария!* (Вещь есть причина события); (3) *Я упала, потому что бревно кривое!* (Свойство есть причина события); (4) *Люди нечестные – общество гнилое...* (Свойство есть причина свойства); (5) *Ты волнуешься, вот и я волнуюсь!* (Состояние есть причина состояния); (6) *Сменили начальника, завод сразу вышел в лидеры.* (Событие есть причина события).

Мы акцентировали внимание на ПРИЧИНАХ, но в тех же примерах представлены и СЛЕДСТВИЯ. При этом говорящие почти всегда обходятся без формальных средств связи (*потому что и поэтому*). В наших примерах такая формальная связка присутствует только в (3). Но если представить себе эту ситуацию «здесь и сейчас» (гимнастка падает на соревновании со спортивного снаряда), то высказывание, уместное в объяснении *по прошествии какого-то времени после события*, скорее всего будет иметь более сокращённый и непременно эмоциональный вид, например: «Вот... кривое...». Таким образом, ПРИЧИНА как структурно-смысловая модель присутствует в ситуации в любом случае, выражаем ли мы её словесно или нет, используем или нет формальные средства выражения причины и пр.

ПРИЧИНА в процессе бытовой речевой коммуникации может быть облечена в любую структурно-смысловую модель – как раз потому, что структурно-смысловые модели, как «вершинные» языковые категории, обладают способностью в необходимой и достаточной степени синтезировать всё, сколько-нибудь актуальное в данный момент общения: (1) *Это было очень давно, я ничего не помню* (ОБСТОЯТЕЛЬСТВО времени – ПРИЧИНА состояния); (2) *Молоко в холодильнике, не пей – простудишься* (ОБСТОЯТЕЛЬСТВО места – ПРИЧИНА возможного состояния); (3) *А чего ты ждал? Люди есть люди...* (Принадлежность к РОДУ – ПРИЧИНА события или сложившейся ситуации); (4) *Смотри, какой сильный! Поднял!...* (КАЧЕСТВО – ПРИЧИНА результата ДЕЙСТВИЯ); (5) *Стол качается, одна ножка короче* (СВОЙСТВО ЧАСТИ – ПРИЧИНА состояния ЦЕЛОГО); (6) *Да ничего он не сможет! Это же Обломов, только на диване лежать горазд!* (СИМВОЛ, синтезирующий определённые, всем известные, КАЧЕСТВА – ПРИЧИНА отсутствия ДЕЙСТВИЯ). Примеры можно было бы продолжить, но, полагаем, этого достаточно, чтобы согласиться с Д. Юмом: «Что угодно может произвести что угодно. Творение, уничтожение, движение, разум, желание – все это может произойти как друг от друга, так и от всякого другого доступного воображению объекта» [Юм 1965: 281].

Таким образом, самой всеохватной, распространяющейся на природу и общество, на индивидуальное и общее, на мышление и речь, является категория ПРИЧИННОСТИ. Она существует в языке как одна из «вершинных»

языковых категорий и функционирует в речи как одна из структурно-смысловых моделей, которыми мы пользуемся в своей повседневной речевой практике. ПРИЧИНА естественным образом связана с ДЕЙСТВИЕМ, потому что она есть то, что вызывает изменение в системе, выводит её из равновесия. (Систему представляет собой и общество, и отдельный индивидуум, и вещь, и организм и пр.) В нашей обычной жизни действующие (функциональные) ПРИЧИНЫ вызывают (актуализируют) некие важные для нашего существования и общения СЛЕДСТВИЯ разной степени длительности – «здесь и сейчас» или «на всю оставшуюся жизнь».

СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ представляют собой отглагольные существительные и поэтому в первую очередь воспринимаются как определённые ДЕЙСТВИЯ. В то же время они могут рассматриваться и как *понятийные* (ментальные, мыслительные) структурно-смысловые модели, основанные на определённых *бытийных* КАЧЕСТВАХ реальных вещей (предметов, ситуаций, поступков, мыслей, высказываний) – на их *сходстве* или *противоположности*. Это разные топы, но мы объединили их в одно на том основании, что в речевой практике они как бы *замещают* друг друга – в зависимости от природы вещей, о которых идет речь. Другими словами, топы СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ, с одной стороны, и топ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, с другой, *не могут использоваться одновременно относительно одного и того же*, потому что в *данном* момент общения, «здесь и сейчас», вещи, как правило, в *определённом* отношении или актуально сходны (а значит – сопоставимы или сравнимы), или актуально противоположны. Если полное отсутствие различий даёт *тождество*, то полное отсутствие сходства даёт ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – однако только в том случае, если у вещей *есть право* СОПОСТАВЛЕНИЯ, а ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ возникает как его крайняя степень. Другими словами, мы не можем рассматривать ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ по пословице «В огороде бузина, а в городе дядька». Но мы не можем и отказаться от топа ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ как самостоятельной структурно-смысловой модели, потому что с появлением высшей степени качества у топа СОПОСТАВЛЕНИЕ появляется и *новая коммуникативная задача*. В первом приближении эту коммуникативную разницу можно определить так: СОПОСТАВЛЕНИЕ направлено на консенсус, а ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – на конфликт. Если не выдержаны *логические* соответствия, то ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ превращается в ПРОТИВОРЕЧИЕ, которое воспринимается как уязвимое место в речи (и поведении). В определённом смысле многие структурно-смысловые модели могут рассматриваться как ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ в своей «паре». Даже в том случае, если в конкретном дискурсе употребляется только одна из этих составляющих «пару» (только ПРИЧИНА – без СЛЕДСТВИЯ, только ЧАСТЬ без ЦЕЛОГО, только РОД без ВИДА и др.), сама *возможность* употребления существует потому, что в сознании имплицитно присутствует и другая. «С точки зрения диалектики "абстрактное" и "конкретное" следует рассматривать как взаимно предполагающие противоположности, каждая из которых может быть понята только через свое "другое"» [Ильенков 1997: 12].

Подлинную *связь* вещей обеспечивает именно ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ, а не тождественное. *Тождественное* может рассматриваться как противоположное ПРОТИВОПОЛОЖНОГО, предел, по достижении которого невозможно (бессмысленно) СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ. Таким образом, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ и ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ входят в систему структурно-смысловых моделей общения и представляют собой разновидности «вершинных» языковых категорий.

Завершается эта глава описанием «социумных» топов ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО и СИМВОЛ, которые в первую очередь «изобилуют социальным содержанием» [Дюргейм 1965: 213]. Это также и *ментальные* структуры, так как их использование требует *сознательного отбора фактов, осмысления* собственного жизненного опыта, *опыта общения* и знания других людей, их поступков и мыслей.

Таким образом, топика – это *система*, если под системой понимать «единство однородных взаимообусловленных элементов» [Реформатский 2007: 37], где однородность определяется единым уровнем абстракции, «вершинностью», обеспечивающей единое пространство языка в Бытии. Топика – это система *структурно-смысловых* моделей, если под структурой понимать «единство разнородных элементов в пределах целого» [Реформатский 2007: 32], где целое – это *структурируемый по мере практической надобности глобальный смысл бытия*, в котором реальны и материальны не только вещи, но и высказывания, а «смысл – это место в структуре» [Брудный 1998: 122]. Топика – это система структурно-смысловых *моделей*, потому что топика это еще и «превращённые формы» в смысле М.К. Мамардашвили: «Действие синкретического механизма превращённой формы основывается на том, что отношение уровней системы оборачивается: продукты процесса выступают как его условия, встраиваются в его начало в виде предваряющих "моделей"» [Мамардашвили 1992: 279]. Другими словами, топы *одновременно* и продукты процесса – как реализованные топы, как конкретные высказывания в каждойдневной речевой деятельности, и условия, *предваряющие* процесс речевой деятельности и её понимание, как *составляющие* логики говорящих. Они не «привязаны» к грамматическим категориям или определённым лексическим классам слов. Они реализуются *целостно*: не только лексикой и грамматикой языка, но и ситуацией общения, а также спецификой субъектов и объектов общения, их *отношением* к себе и друг к другу и т.д. Диалектически они могут мыслиться двояко: как *метакатегории*, организующие смысловое пространство языка, и как *структурно-смысловые модели*, реализующие (гибко, текуче, рекурсивно, объёмно) эти метакатегории в *речи*, т.е. метакатегории («вершинные» языковые категории) и структурно-смысловые модели – в духе А.Ф. Лосева – одновременно одно и то же и не одно и то же, но могут быть определены одним общим *именем* – топы.

В *Заключении* суммируются основные положения исследования, делаются обобщения и выводы, указываются перспективы дальнейшей разработки топика в лингвистике и гуманитарном знании в целом.

С.Л. Рубинштейн писал: «Вместо дуалистической схемы: мир или среда, с одной стороны, и субъект, личность – с другой (как бы вне среды и мира), *поставить вопрос о структуре мира или среды, включающей, внутри себя имеющей субъекта, личность как активного деятеля*» [Рубинштейн 1989: 367. Курсив мой. – В.С.]. Нам представляется, что топика не только «ставит вопрос», но в значительной мере на этот вопрос отвечает. Стремление преодолеть не только бинарную оппозицию *человек / среда*, но и иные оппозиции, наблюдается и у других учёных. Например, Д.А. Леонтьев пишет: «Понятие смысла, вывода анализа за пределы сознания, в плоскость жизненного мира, *позволяет преодолеть бинарную оппозицию аффекта и интеллекта, познания и чувства*, в плену которой человекознание продолжает оставаться ещё со времён античности» [Леонтьев 2007: 165. Курсив мой. – В.С.]. Полагаем, что не просто *понятие смысла*, но *понятие структурно-смысловой модели* и топика как системы «позволяет преодолеть». Что касается «плена со времён античности», то нам кажется, что сама античность в этом плену не была, а *попала* в него, может быть, во времена Средневековья.

Э. Кассирер удостоверяет: «Человек живёт в объективном мире задолго до того, как научился жить в мире научном. Задолго до того, как человек подошёл к созданию науки, его опыт уже не был аморфной массой чувственных впечатлений: это был организованный и артикулированный опыт, обладающий определённой структурой. Но *понятия, которые придают миру его синтетическое единство, – это понятия иного типа и иного уровня, нежели научные понятия*» [Кассирер 1998: 687]. Структурированное «синтетическое единство мира» обеспечивается в сознании людей топикой. И совершенно прав автор *теории ментальных пространств* Ж. Фоконье, который пишет: «Области, которые нам нужны для понимания функционирования языка, заложены не в комбинаторной структуре самого языка; они существуют на уровне когнитивных структур, в которых задействованы языковые средства. *До тех пор, пока язык изучается как автономное явление, как сам по себе и для себя, подобные области не будут видны*» [Fauconnier 1999: 13]. Топика выявляет эти области. Поэтому топика *равноправна* в Бытии и Мышлении, которые – опять же посредством топика (*актуализированных, конкретизированных и так или иначе выраженных топов*) – «встречаются» в нашей Речи и в нашем Общении. Она сама образует общее «ментальное пространство» языка, «дом бытия» языка, «дом бытия духа» языка, «общие места» – но не как застывшие этикомемы, а как функциональные структурно-смысловые модели и подвижные когнитивные структуры, которые способны «толкнуть мысль на осознание и формулировку тех примитивных категорий, которыми мы пользуемся на каждом шагу и в науке, и вне её» [Лосев 1993: 63]. А.Ф. Лосев совершенно справедливо советует «применить к ним диалектику, которая так упорно и неизменно заменяется всегда формально-логической точкой зрения», потому что «диалектика охватывает решительно всё и в то же время ничему не

мешает» [Ор. cit.: 75]. Это мы и попытались последовательно совершить в нашей работе.

В *Приложении* топика рассматривается как основа методологии обучения эффективной речевой коммуникации, а топы – как структурно-смысловые модели, которые могут продуктивно использоваться для создания современной методики обучения речевому творчеству.

При помощи топов процесс формирования содержания и структуры будущей речи можно сделать более сознательным и управляемым. Методическим конструктом для этого может служить *топиковая модель* риторического эскиза речи-рассуждения, предоставляющая в распоряжение обучающихся образец-схему, следуя которой можно освоить необходимые для речи-рассуждения способы компоновки фрагментов содержания и способы установления логической связи между ними. Этот методический конструкт позволяет систематизировать и сделать наглядными навыки, которым следует обучиться, и даёт возможность индивидуализировать освоение этих навыков в зависимости от уровня владения языком и личностных особенностей обучаемого. Топиковая модель базируется на древней хрии, но построена с учётом современных целей и задач обучения.

Если риторический канон (его этапы) как стратегия обучения риторике определяет, чему и в какой последовательности учить, то топика – как учить. Топика позволяет: 1) постепенно наращивать навыки, улучшая качество речи обучающихся на пути от мысли к слову, используя структурно-смысловые модели, оперативно формулировать идеи в соответствии с коммуникативной задачей; 2) практиковаться в продуктивной речевой деятельности на каждом этапе обучения, начиная с минимального уровня владения речью, формулировать высказывания разных уровней – от предложения до завершённой речи; 3) преодолевать психологическую скованность и речевую затруднённость через конкретизацию целей и задач, через сознательное овладение топами как структурно-смысловыми моделями; 4) изобретать содержание речи, активизируя ассоциативное мышление, развивая тем самым творческие возможности; 5) запоминать структуру речи как «карту местности», а не текст, что даёт возможность корректировать свою речь в процессе публичного выступления. Результатом обучения риторике посредством топики является система навыков как подготовленного, так и импровизированного высказывания, развитие способности к импровизации в зависимости от задач текущего момента общения.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

А. Монографии

1. *Садикова В.А.* Топика: история, теория, практика: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. –188 с. (11, 75 п.л.).

2. *Садикова В.А.* Топика как типология инвариантов высказывания. Функционирование вершинных языковых категорий-топов в науке и бытовом общении. – Германия: LAP Lambert Academic Publishing (номер проекта: 34749, ISBN: 978-3-8465-5759-4), 2011. –364 с. (15, 2 п.л.).

Б. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

3. Садикова В.А. Обучение публичной речи: топиковая модель // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С. 19–21.

4. Садикова В.А. Как подготовиться к речевому творчеству (Обучение публичному выступлению) // Русский язык в школе. – 2009. – № 8. – С. 3–11.

5. Садикова В.А. Топика: истоки и перспективы // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 47–56.

6. Садикова В.А. «Лингвистический парадокс» Аристотеля // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Т. 1. – Серия «Филология». – 2010. – № 2. – С. 79–90.

7. Садикова В.А. Топ «ИМЯ» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь: – 2010. – № 2 (19). Идентификационный номер 0421000038\0012. Режим доступа: <http://tverlingua.ru> (0,5 п.л.).

8. Садикова В.А. Топика и лингвистика текста // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь. – 2010. – № 3 (20). Идентификационный номер 0421000038\0023. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. (0,5 п.л.)

9. Садикова В.А. Топика как система «вершинных» языковых категорий // Когнитивные исследования языка. – Выпуск VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С.144–153.

10. Садикова В.А. Топика в мышлении и речи // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 110–117.

11. Садикова В.А. Социумные топы «ОПРЕДЕЛЕНИЕ», «ПРИМЕР», «СВИДЕТЕЛЬСТВО», «СИМВОЛ» // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2011. – № 4. – Серия «Филология». – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 116–125.

12. Садикова В.А. Топ – инвариант высказывания // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2011. – № 28. – Серия «Филология». Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 113–121.

13. Садикова В.А. Топы «ДЕЙСТВИЕ» и «СТРАДАНИЕ» как определяющие общение // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2012. – № 10. – Серия «Филология». Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация»: – С. 118–125.

В. Статьи в других изданиях

14. Садикова В.А. Об оценке и самооценке в «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» // Драма и театр: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 68–72.

15. Садикова В.А. «Общие места» или «смысловые модели»? // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 9. – Сочи, 2007. – С. 128–135.

16. Садикова В.А. О месте топики в коммуникативно-деятельностных теориях языка // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. тр. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – С. 316–322.

17. Садикова В.А. Предложение – высказывание – топ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч.тр. – Вып. 10. – Сочи: СГУТ и КД, 2007. – С. 144–149.

18. *Садикова В.А.* Структурно-смысловая организация русской пословицы // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Выпуск 12. – Сочи: СГУТ и КД, 2008. – С.139–148.

19. *Садикова В.А.* Топика как диалектика: лингвистические выводы // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология» – 2009. – Вып.1 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – № 7. – С.62–79.

20. *Садикова В.А.* Топы и тропы // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2009. – № 25. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 116–127.

21. *Садикова В.А.* Миф, мнение, концепт и топика // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2010. – № 5. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.102–118.

22. *Садикова В.А.* Структурно-смысловая модель ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели) // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2010. – № 10. – Вып. 4. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.108–118.

23. *Садикова В.А.* Сравнение, сопоставление, противопоставление как структурно-смысловые модели порождения высказывания // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 16. – Сочи: РИЦ ФБГОУ ВПО «СГУ», 2011. – С.109–115.

24. *Садикова В.А.* Топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ, РОД и ВИД в языке и речи // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы Международной школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып. 18. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. – С. 246–253.

Г. Материалы конференций

25. *Садикова В.А.* Структура драматического действия // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: материалы междунар. конф. – Владимир: Владим. гос. пед. ун-т, 1995. – С. 151–153.

26. *Садикова В.А.* К вопросу об образной речи (о метафоре) // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: традиции и перспективы: материалы межвуз. науч.-практич. конф. – Смоленск: ВУ ВПО, 2002. – С. 51–52.

27. *Садикова В.А.* Об «изобретении содержания» в практическом курсе риторики для изучающих русский язык в нефилологическом вузе (из опыта работы) // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы XVI Твер. межвуз. конф. учёных-филологов и школьных учителей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 84–85.

28. *Садикова В.А.* Драма – действие, диалог, правдоподобие // Проблемы развития гуманитарных и социально-экономических наук: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2002. – С. 124–129.

29. *Садикова В.А.* О практической риторике // Проблемы развития гуманитарных и социально-экономических наук: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2002. – С. 25–26.

30. *Садикова В.А.* О некоторых прагматических свойствах текста маленькой трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы Твер. межвуз. конф. учёных-филологов и школьных учителей. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2003. – С. 296–302.

31. *Садикова В.А.* Типовая модель риторического эскиза речи-рассуждения // Наука и образование: тенденции и перспективы их развития: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2003. – С. 95–97.

32. *Садикова В.А.* Звукопись – единство выразительности и смысла // Наука и образование: тенденции и перспективы развития: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2003. – С. 122–125.

33. *Садикова В.А.* О диалогизации публичного выступления // Современные педагогические технологии и их использование в образовательном процессе подготовки специалистов в вузе: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2004. – С. 15–17.

34. *Садикова В.А.* Развернутая метафора как средство диалогизации // Современные педагогические технологии и их использование в образовательном процессе подготовки специалистов в вузе: материалы Всероссийск. науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2004. – С. 73–79.

35. *Садикова В.А.* Тописка в методическом аспекте (из опыта обучения риторике иностранцев) // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы XVIII Твер. межвуз. конф. учёных-филологов и школьных учителей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 167–173.

36. *Садикова В.А.* Тописка. Анализ современных толкований исторического понятия // Актуальные проблемы развития социально-гуманитарных, экономических и психологических наук: материалы Всероссийск. науч. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2004. – С. 67–74.

37. *Садикова В.А.* Параметры и критерии оценивания публичного выступления в риторике // Научно-методические проблемы развития общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин в вузе: материалы Всероссийской науч.-методич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2005. – С. 16–20.

38. *Садикова В.А.* Топ как структурно-смысловая единица высказывания // Стратегии исследования языковых единиц: материалы межвуз. науч.-практич. конф. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2006. – С. 17–20.

39. *Садикова В.А.* Тописка в системе обучения риторике // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: материалы XI науч.-методич. конф. Росийск. ассоциации преподавателей, исследователей и учителей риторики.– Ярославль: ЯГПУ, 2007.– С. 83–85.

40. *Садикова В.А.* Практическая риторика: тописка или путь от мысли к слову // Развитие образовательной деятельности вузов: опыт, проблемы, перспективы: материалы регион. науч.-практич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2007. – С. 69–73.

41. *Садикова В.А.* Тописка: разнообразие подходов и определений // Развитие образовательной деятельности вузов: опыт, проблемы, перспективы: материалы регион. науч.-практич. конф. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2007. – С. 78–84.

42. *Садикова В.А.* Топика как основа речепорождающей технологии // Роль русского языка в формировании российского менталитета: материалы междунар. науч. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 30–35.

43. *Садикова В.А.* Топы как универсальные средства категоризации // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. – Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2007. – С. 432–439.

44. *Садикова В.А.* Стратегия и тактика речевого поведения при обучении русской риторике иностранцев // Актуальные проблемы обучения культуре русской речи, методике преподавания русского языка и дисциплинам специальности: материалы V междунар. науч.-практич. конф. – Нижний Новгород: НГПУ, 2007. – С. 262–264.

45. *Садикова В.А.* Топы как аспекты рассмотрения объекта высказывания (попытка анализа «Топики» Аристотеля) // Языковой дискурс в социальной практике: материалы межвуз. науч.-практич. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 256–261.

46. *Садикова В.А.* Топика и дискурс // Языковой дискурс в социальной практике: материалы межвуз. науч.-практич. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – С.253–258.

47. *Садикова В.А.* Топологическая рекурсивность речи // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. – М., 2009. – С. 313–314.

48. *Садикова В.А.* Топика и языковые универсалии // Когнитивные исследования языка. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Вып. VI. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 282–284.

49. *Садикова В.А.* Топика как система синтетических единиц общения // Язык, культура, общество. VI международная научная конференция: тез. докл. – Т. I. – М.: Вопросы филологии, спецвыпуск, 2011. – С. 117.

50. *Садикова В.А.* Топика – дом языка // Найновите научни постижения: материали за 8-а международна научна практична конференция. – Т.19 Филологични науки. – София: Бял ГРАД-БГ, 2012. – С. 98–103.

51. *Садикова В.А.* Топика и языковое сознание // Жизнь языка в культуре и социуме-3: материалы Междунар. науч. конф. – М.: ИЯ РАН, 2012. – С. 206–208.

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 4.10.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 2,75. Тираж 100 экз. Заказ № 498.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63